
ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВЕРА У НАС ОТЛИЧНИЦА!

Фото Я. Шахновского.

На первой странице обложки: Фрагмент картины И. Е. Репина М. И. Глинка в период сочинения оперы «Руслан и Людмила». 1887 год. Государственная Третьяковская галерея.

На последней странице обложки: Юный наездник. Фото Г. Макарова.

ОГОНЁК № 22 (1407) 30 МАЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВСЕНАРОДНОЕ ТОРЖЕСТВО

Знаменательная историческая дата 300-летия воссоединения Украины с Россией отмечается в нашей стране как большой национальный праздник народов СССР. В столице Украины Киеве состоялась юбилейная сессия Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики. Военный парад и шествие трудящихся явились яркой демонстрацией могущества советских Вооруженных Сил, нерушимой дружбы братских народов.

Весь прошлый воскресный день длились празднества в Москве. Сотни тысяч жителей столицы были в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, на стадионе «Динамо» и других стадионах. До поздней ночи продолжались народные гулянья на улицах, площадях и в парках.

Праздник воссоединения был отмечен во всех городах и селах Советской страны.

Празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией. В Москве, на Манежной площади.

Фото Я. Рюмкина.

Демонстрация трудящихся в Киеве, на Крещатике.

Киев. У памятника Богдану Хмельницкому.

Фото Н. Козловского.

У ПЕРЕКРЕСТ

Мария Степановна сама подает кипящий самовар дорогим гостям.

Е. РЯБЧИКОВ. Фото А. ГОСТЕВА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

На скрещении степных дорог Кулунды стоит новая чайная. Кто бы ни ехал по большакам и грейдерам в Табуны или в Славгород, в Ключи или Малиновое озеро, «привернет» к белокаменному дому с колоннами у входа.

Только закончит зорю петух, а около чайной уже грохочут проходящие мимо дизельные тракторы, нетерпеливо ржут кони. Обожженные алтайским солнцем и ветрами, поднимаются на крыльцо приехавшие с целинных земель трактористы и прицепщики, строители нового совхоза и ученые. Обычно всех новичков ошеломляет картина: над входом в зал неизвестный художник решительной кистью намалевал бой-бабу с подносом на голове и по ситцевому фону вывел призыв: «Добро пожаловать!». Приятно сбросить после дороги плащ в гардеробе, смыть степную пыль с лица и рук и освеженным, чистым войти в шумный зал.

В этой чайной перед вами проходит самобытная, полная неожиданных встреч жизнь степных большаков и разбуженных земель. Освоением целины живет весь край. Характерная речь приехавших издалека москвичей и уральцев сливается с мягким, напоминающим украинский говором кулундинцев.

Что происходит в зале? Обжигая губы горячим чаем, ведет страстную беседу в кругу товарищей курчавый, похожий на цыгана тракторист Миша Антипов. Приехал он по комсомольской путевке с Урала, где работал в совхозе «Широкая речка». Теперь Миша поднимает целину в новом совхозе. Известный всей Кулунде бригадир тракторной бригады Иван Иванович Перепелица ревниво слушает своего «соперника» — молодого бригадира Алексея Пименова. Светлоголовый здоровяк Пименов приехал в Кулунду из колхоза имени Маленкова, Белгородской области. Приходят кинооператоры, вернувшиеся со съемки на целине, кладут на столы пропыленные съемочные камеры, вдруг замечают за столом Героя Социалистического Труда Семена Пятницу, идут к нему и договариваются о съемках на завтра. Ученые, исследующие почвы Кулунды, почтительно благодарят официантку Надю за хорошее обслуживание.

Через минуту за окнами слышится дружный рев моторов, и вся стальная армада отправляется в путь. На смену, по тому же полосатому следу, приходят новые тракторы — целый гусеничный поезд с разборными домиками. Трактористы плещутся в умывальной, шумно входят в зал. Им несут дымящиеся сибирские пельмени и начищенные подносы с батареей стаканов.

Снова гул моторов — приехали на грузовиках из отдаленных селений колхозники продавать на базаре птицу и масло. Еще не успели они умыться, как встречает их заведующая чайной Мария Степановна Семизарова, богатырского сложения женщина. Чайной нужны куры и масло. Заключают договор, и машины, не побывав на рынке, заворачивают во двор.

Веселый переполох вызывает появление строителей нового совхоза. Официантки и буфетчицы питают к ним особенно нежные чувства и бегут наперебой мыть столы, подавать борщ, пельмени, заваривать чай.

Валя Лиссон учится варить борщ, готовить сибирские пельмени, чтобы стать поваром в тракторной бригаде.

— Как там наши? — степенно спрашивает официантку Надю Фирсову директор совхоза Емельян Иванович Емельяненко.

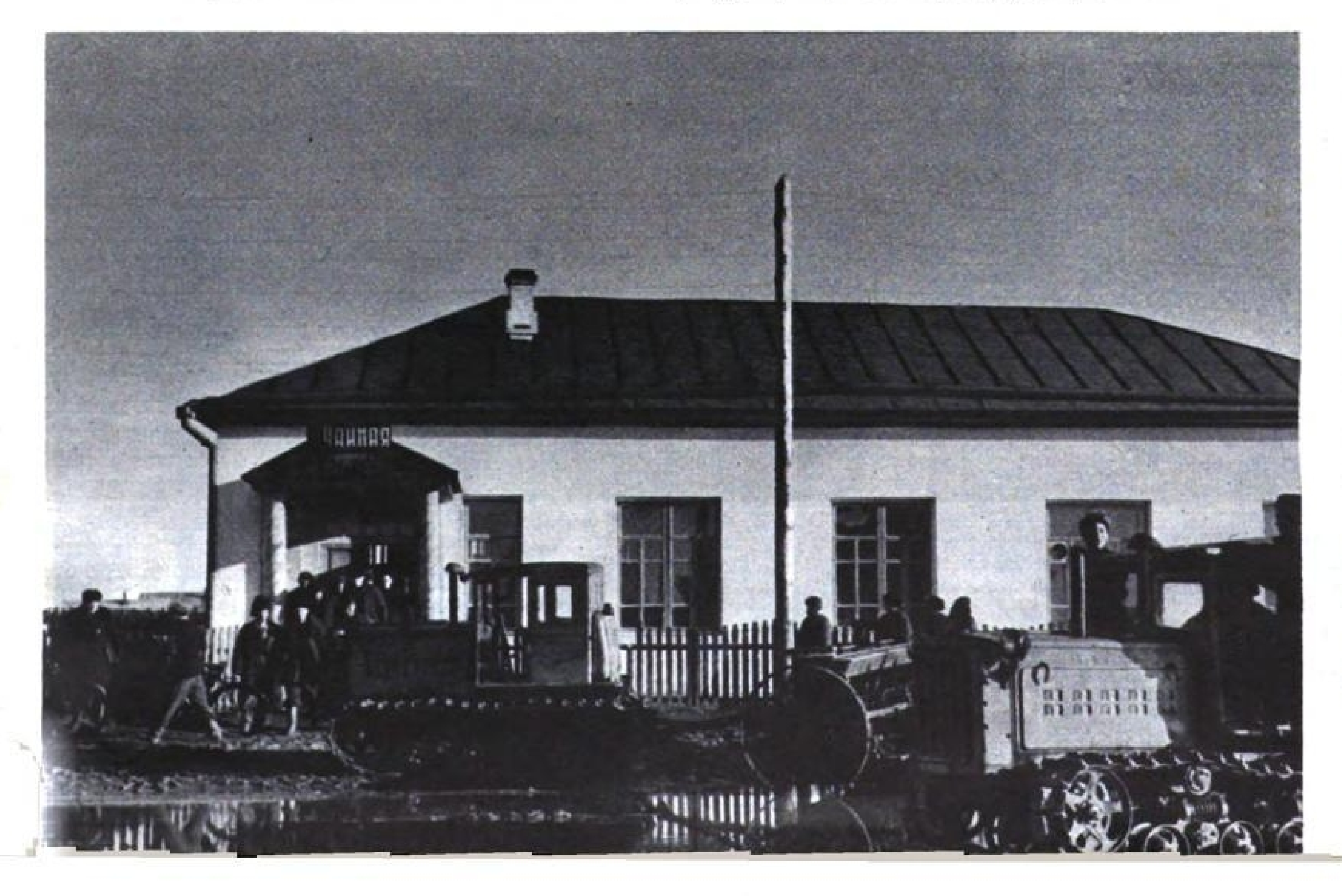
— Сами посмотрите,— предлагает официантка Маруся Котилевская.

И вот Емельяненко и учетчица пятой тракторной бригады Вера Нечаева идут на кухню навестить работниц своего совхоза — девушек с Урала, будущих поварих тракторных бригад. Повар Елена Кирилловна Никитина показывает гостям, как девушки готовят пельмени и украинские вареники, как они варят борщ и тушат рагу.

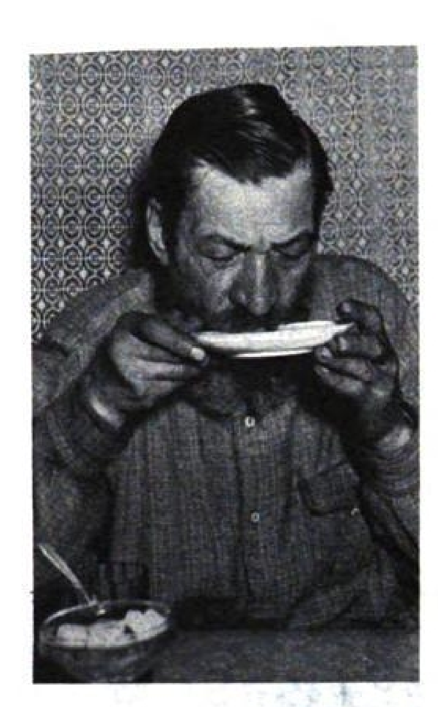
— Научили уралочек,— говорит Никитина.— Завтра можно и машины за ними присылать — пусть едут в бригады. А сейчас отведайте их приготовления.

Гости возвращаются в зал. Сама Мария Степановна выносит дорогим посетителям пышущий жаром, начищенный самовар.

Кто бы ни ехал по степным большакам и грейдерам, старается «привернуть» к чайной.

КА ДОРОГ

Мирон Антонович Басевич выполнил в Кулунде поручения колхоза и зашел выпить чаю.

В дверях — смех, гармошка, стук чечетки: приехали строители одной из крупнейших в стране, Златопольской МТС. Только расселись они за столами, прибыли механизаторы из Богодуховки за комбайнами. За ними входит бородатый, почтенного вида Мирон Антонович Басевич. Старику уступают место. Он степенно садится, заказывает чай и пьет его, смакуя каждый глоток. Мирон Антонович помнит еще старую маленькую чайную, помнит и время, когда на месте нынешней Кулунды стояло всего несколько глинобитных домишек, а окрест лежали одни только степи. Мирон Антонович приехал с Украины в Кулунду 45 лет назад. Лично Басевич распахал не меньше пятидесяти гектаров. С отцом ехал он сюда в поисках счастья. Плыли семьи от Омска на пароходе по Иртышу, потом ехали по сухопутью на лошадях и все мечтали об одном — о земле. Но землю захватили богатеи, и пришлось идти к ним в кабалу. Могучая дернина была так прочна, что запрягали четырех коней в однолемешный плуг и вспарывали им неподатливую землю. Два—три года снимали с целины «обломные» урожаи, потом хозяин бросал ее, предоставляя природе самой восстанавливать плодородие.

Мирон Антонович теперь на целине не работает, он занят иными поручениями колхоза. Сегодня Басевич привез из Воздвиженки два бочонка подсолнечного масла на колхозный рынок, продал их и зашел попить чайку. Потом он побудет у сына и уедет в колхоз.

В самом углу сидит за столиком, в окружении папок, колхозный бухгалтер Николай Николаевич Костин. Он попивает пиво и гоняет на счетах костяшки. То, что не успел сделать до отъезда, закончит сейчас. За другим столом ожидает чая синеглазая прицепщица. Она мечтательно слушает по радио «Времена года» Чайковского. Порою она морщится: слишком громко кричат охмелевшие шоферы из Табунов.

Двери в чайную не закрываются с утра до ночи. Сколько бы ни проходило людей через зал, буфетчица и официантки почти всех знают и сразу выражают к ним свое отношение.

Вот сидит за столом пьяный парень с лихой челкой, рвет на себе клетчатую рубаху и демонстрирует татуированную грудь. Его окружают, уговаривают не буянить, а потом силой уводят в сени.

Попадаются и такие! Здоровый коллектив новоселов либо образумит их, либо выкинет из своей среды.

Зато буфетчицы и официантки знают по имени и отчеству настоящих людей труда — трактористов и водителей грузовиков, землеустроителей и агрономов. Им почет и уважение.

Люди чайной живут новостями больших дорог и степных просторов. Даже на кухне знают, где начали поднимать целину, сколько вспахали бригады Болдырева и Соловьева, когда совхоз получит вагончики и кто будет выступать в концерте художественной самодеятельности.

Забот в чайной «полон рот», как говорит Мария Степановна Семизарова. Нужно в глубинке закупить подешевле и качеством получше мясо и кур, молоко и муку, яйца и масло. А затем сохранить в погребах, подвалах, складах и чуланах, чтобы всегда были в меню пельмени, вареники, гуляш и котлеты. Зимой поварихи и официантки своими руками заливали на морозе огромный монолит льда, прикрыли его опилками и теперь берут из него сверкающие дольки для окрошки и прохладительных напитков. Недавно пробурили шахтный колодец — чайная получает прозрачно-чистую воду. При огромном выпуске блюд нужно содержать в порядке кухню и разделочные, склады и раздаточную.

Множатся благодарности посетителей, но растут и требования. Только что бравший пробу на кухне санитарный врач заходит к Марии Степановне, говорит, что обед хорош, и тут же записывает в «санитарную книгу» предложения — нужны душ и раздевалка для работников кухни. Сразу вспыхивает нервный разговор. Семизарова говорит, что чайная построена по типовому проекту и она не может отвечать за проектировщиков. Врач напоминает, что еще во время строительства пришлось самой Семизаровой многое изменить в проекте — расширить зал, добавить раздаточные.

— Верно! — говорит низким, грудным голосом Мария Степановна.— Но ведь мы работаем с выручки. Я и так кручусь, чтобы за счет перевыполнения плана содержать гардеробщиц и работницу на кухне. А вы — душ строить!

— Что если построить еще душ и для посетителей? — мечтательно смотрит на Семизарову врач.— Знаете, приехал из степи — и под душ. Хорошо!

— Отличная идея! — восклицает Семизарова. И она уже лихорадочно соображает, как построить два душа и раздевалку, а потом пригласить баяниста и раскладывать на столах газеты.

Наступление на целину сказывается и здесь, в этом домике у перекрестка дорог. И те чувства, которые охватывают сейчас всех в Кулундинской степи, придают силы скромным, незаметным работникам из простой чайной.

Кулунда. Алтайский край.

Сдвинув столы, сели в углу чайной комсомольцы с Урала, приехавшие поднимать целину в Кулундинских степях.

Врач берет пробу на кухне.

СПОРТИВНАЯ ЮНОСТЬ

С. ФРИДЛЯНД и В. ТЮККЕЛЬ

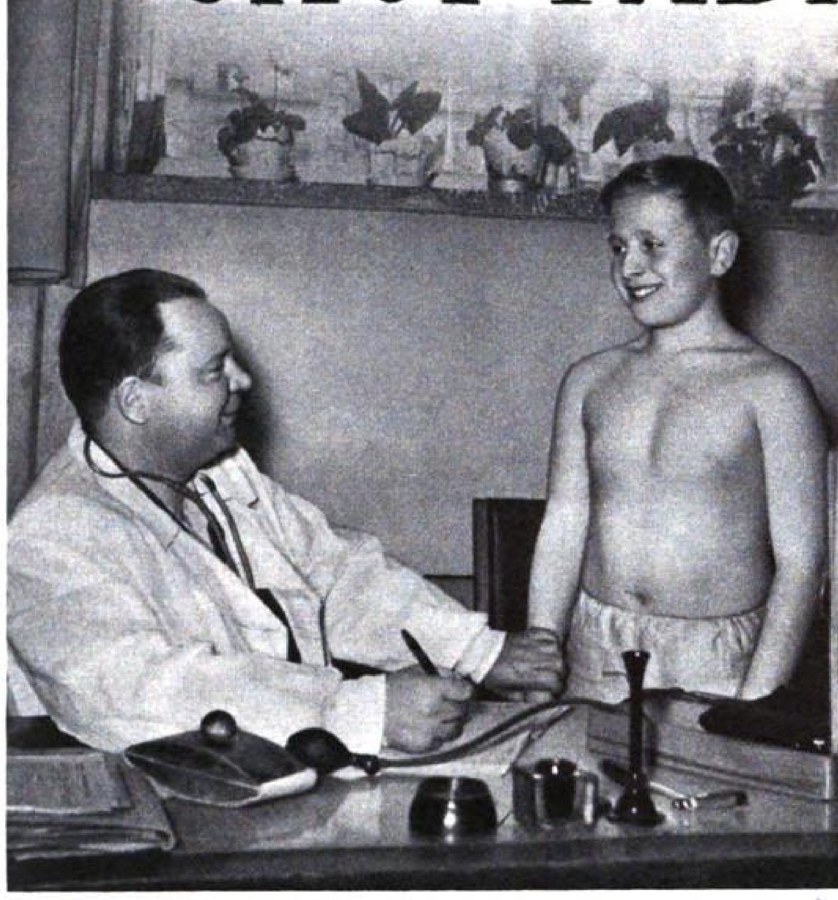
Приходилось ли вам наблюдать игры ребят на школьных площадках, во дворах? Какую радость находят они в стремительных движениях, в беге, прыжках! Даже на месте не стоят они спокойно, а все как бы пританцовывают.

Вот если бы сохранить жизнерадостность и здоровье этих маленьких крепышей на долгие годы их жизни! Это может сделать спорт, и заниматься им нужно с юных лет.

Маленьких спортсменов вы без труда отличите по какой-то особой ловкости и собранности их движений, по мягкому, пружинистому и вместе с тем энергичному бегу, по быстрой, почти моментальной реакции на самые неожиданные изменения в игре.

В детских спортивных школах Москвы растут будущие чемпионы и рекордсмены, те, кому через несколько лет придется защищать честь своей страны на крупнейших международных соревнованиях.

Эта шумная, подвижная, не знающая устали детвора — завтрашний день советского спорта!

Оба явно довольны. И опытный спортивный врач В. Г. Королев и его маленький пациент, новый питомец детской спортивной школы «Крылья Советов». Сережа Рокотян уже видит себя в гимнастическом зале.
— Только об учебе не забывай,— говорит ему на прощание врач.

→

Кто самые воинствующие болельщики на трибунах? Прежде всего, конечно, ребята. Попадая в футбольную секцию детской спортивной школы, они быстро убеждаются в том, что мастером стать нелегко. Об этом еще раз напоминает тренер команды мальчиков общества «Буревестник», мастер спорта А. Полевой, проводя разбор только что закончившейся игры.

Только что эти маленькие бегуны сами проносились по дорожке стадиона, а теперь они с волнением и восторгом следят за борьбой, разыгравшейся на стометровой прямой.

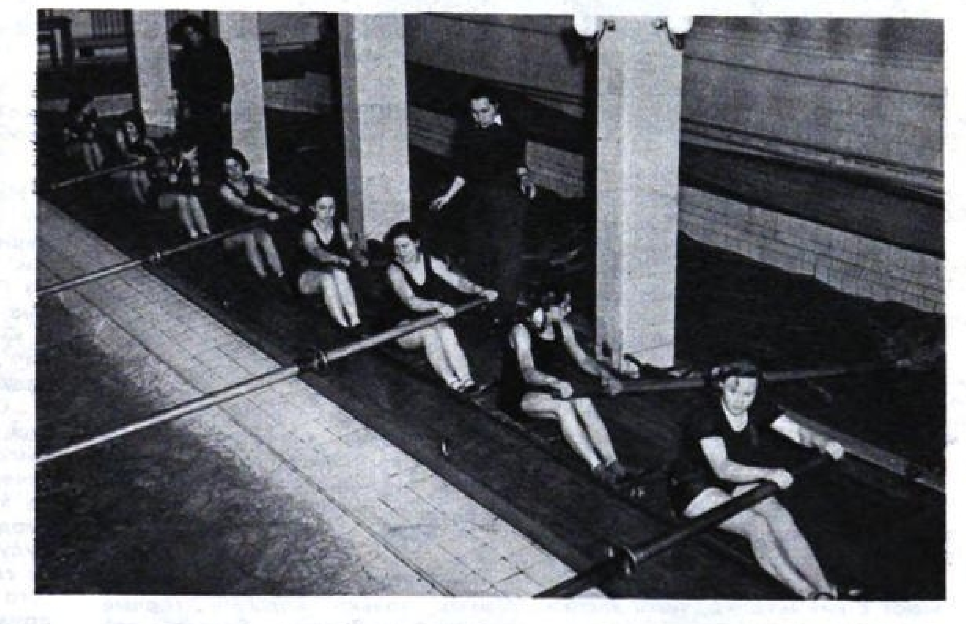

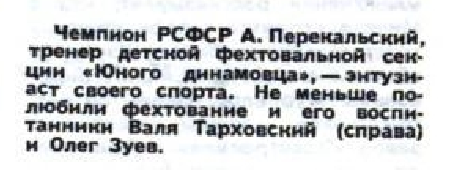
Серьезное задание! Прежде чем выполнить упражнение на кольцах, Люся Рубцова выслушивает последние указания своего тренера, мастера спорта М. Волковой.

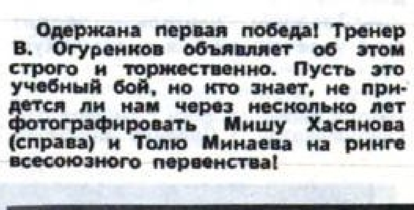
Фехтование — один из красивейших видов спорта. На московских городских соревнованиях нам довелось видеть гибких, смелых и быстрых юных бойцов. Может быть, в ближайшие годы они возродят славу русских фехтовальщиков.

Академическая гребля требует почти ювелирной точности и согласованности движений. Терпеливо и внимательно учит этому искусству молодых гребцов заслуженный мастер спорта тренер А. Чебыкина.

Чемпион РСФСР А. Перекальский, тренер детской фехтовальной секции «Юного динамовца», — энтузиаст своего спорта. Не меньше полюбили фехтование и его воспитанники Валя Тарховский (справа) и Олег Зуев.

Одержана первая победа! Тренер В. Огуренков объявляет об этом строго и торжественно. Пусть это учебный бой, но кто знает, не придется ли нам через несколько лет фотографировать Мишу Хасянова (справа) и Толю Минаева на ринге всесоюзного первенства!

Эта шестиклассница добилась в спорте уже неплохих результатов. Тамара Савостьянова заняла первое место на акробатических соревнованиях среди девушек по программе мастеров.

На три с половиной метра в высоту прыгнул воспитанник школы стадиона Юных пионеров Герман Архипов, завоевав первое место в Москве среди юношей по прыжкам с шестом.

На соревнованиях теннисной секции «Юного динамовца» Нина Дмитриева заняла первое место. Ее тренирует заслуженный мастер спорта Н. Теплякова.

СВЕТ НАШЕЙ ДРУЖБЫ

Сильвиу ПОДИНА,
румынский писатель

Сердце мое забилось сильнее, когда я входил в двери бухарестской средней школы номер тридцать пять. Здесь прошло мое детство. И вот я снова сижу на низенькой скамье, и вокруг меня — детские лица. Урок истории, урок географии, химии... Из бесконечного многообразия новых черт, встававших передо мной на каждом шагу в стенах моей старой школы, я хотел бы отметить одну, глубоко меня взволновавшую: вся жизнь школы была проникнута теплым чувством привязанности учителей и учеников к Советскому Союзу.

* * *

В восьмом классе шел урок географии Советского Союза.

Время убелило сединой голову учителя Иона Добреску. Но, говоря о тракторных заводах Сталинграда и Харькова, о гигантах тяжелого машиностроения на Урале, он словно молодеет. И мальчик, который сейчас отвечает, не ограничивается заданием. Он знает, что учитель рад каждому новому усвоенному факту из жизни страны победившего социализма. Ученик рассказывает, что в Минске строится теперь крупный текстильный комбинат. Узнал он об этом из советских иллюстрированных журналов. Знает он и о том, какие машины изготовляет завод «Электросила» в Ленинграде...

— Товарищ учитель,— говорит он с увлечением,— я видел такую машину своими глазами на заводе, когда был в гостях у отца. Она очень большая, пожалуй, не поместится в нашем классе.

Герман Бруно — лучший «географ» класса. Он говорит о новостройках, рассеянных по всей советской земле. Гидроэлектростанции Каховская и Куйбышевская, Усть-Каменогорская — на Иртыше, Мингечаурская — на Куре...

Чувствуется, что это не простое перечисление: мальчик словно видит то, о чем рассказывает...

Груженные товарами тяжелые теплоходы идут по новому водному пути, соединяющему Волгу с Доном, выходят в Цимлянское море, созданное руками человека.

— Многие пароходы,— говорит Герман, — направляются оттуда по Черному морю к нам в Констанцу. Днем и ночью разгружают с них машины, тюки хлопка для наших фабрик...

Ребята любят слушать своего «географа».

— Герман, расскажи о нефтяных вышках, где нефть добывают со дна Каспийского моря... И об Университете имени Ломоносова,— раздаются голоса со скамей.

Учитель поворачивает голову к одному из учеников.

— Потерпи, Мариан, придет очередь и этому. Вот ты и расскажешь...

— Да, расскажу. Мой брат Виктор учится в Московском университете. Он описал мне все подробнейшим образом...

Со своей скамьи я слежу за этим увлекательным уроком — рассказом о стране, карта которой меняется с каждым годом... Какая огромная разница между этим уроком географии и теми, которые мы слушали когда-то, в старой Румынии! Учитель по имени Чунту весь багровел от гнева, когда кто-нибудь из нас только упоминал о Советском Союзе. Как сейчас, я слышу его рычание:

— Хватит! Понятно? Вы должны знать только воды и горные рельефы России. Россия — это дикая, примитивная страна! Понятно?

Господин учитель Чунту, где вы сейчас? Хотел бы я посмотреть, как выглядели бы вы на этом уроке в новой румынской школе, на уроке, насквозь пронизанном идеями международного братства свободных народов!

* * *

На лестнице я встретил ученицу Венеру Енакеску, девушку с черными мечтательными глазами. Она очень хотела походить на Павла Корчагина. Но сегодня она прочла «Молодую гвардию» и теперь мечтает быть похожей на Любу Шевцову или Ульяну Громову...

...Снова нахлынули воспоминания о моих школьных годах. Не было тогда ни легких, красивых занавесок, ни цветов на окнах... Но не это главное: не было в наших сердцах той волнующей веры в будущее, которая лучится сейчас из глаз этих детей моего народа, того прекрасного ощущения дружбы с великим Советским Союзом, которая делает эту веру еще крепче.

Один из самых любимых уроков.

Затаив дыхание, дети слушают рассказ вожатой о Павлике Морозове.

Завтра вся школа будет разглядывать новый фотомонтаж — «Жизнь в СССР».

К 150-летию со дня рождения М. И. Глинки

Вечером 13 декабря 1836 года в доме Александра Всеволодовича Всеволожского после окончания спектакля собрались гости — цвет русской художественной интеллигенции того времени. Здесь были Пушкин, Жуковский, Вяземский, Одоевский. Свело их вместе одно знаменательное событие: прошли первые спектакли оперы Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). И хотя опера была встречена аристократическими кругами весьма сдержанно, а некоторые из присяжных ценителей не постеснялись тут же обозвать ее музыку «кучерской», для всех присутствовавших на этом вечере было ясно: произошло то, чего с таким нетерпением все ждали,— родилась первая русская, подлинно народная опера.

На клочке бумаги Вяземский, Жуковский и Пушкин симпровизировали текст приветствия в честь виновника торжества. Пушкину принадлежали в нем следующие шутливые строки:

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

Виельгорский и Одоевский написали музыку. Поднимая бокалы, все присутствующие с энтузиазмом подхватили веселый припев:

Пой в восторге русский хор,
Вышла новая новинка,
Веселися, Русь! наш Глинка —
Уж не Глинка, а фарфор!

Примерно в те же дни в газете «Северная пчела» В. Ф. Одоевский поместил свои «Письма к любителю музыки», посвященные новому созданию М. Глинки.

«С оперою Глинки, — писал Одоевский,— является то, чего давно ищут и не находят в Европе — новая стихия в искусстве и начинается в его истории новый период: период русской музыки». Эти слова Одоевского оказались вещими: оперой Глинки начала свою блистательную жизнь русская оперная классика.

Глинка написал две свои оперы — «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» — не от «безделья» и не по «наитию», как это пытались представить некоторые его современники, вроде Нестора Кукольника. Величие Глинки как подлинно национального, народного художника заключалось прежде всего в том, что он сам ясно сознавал свою великую миссию, свою благородную задачу — написать музыкальные произведения, посвященные «силе», «неустрашимости русского народа», создать оперы, не уступающие лучшим творениям мировой музыкальной классики и вместе с тем понятные широкому слушателю горячо любимого им отечества.

В этом смысле глубоко показательны слова Глинки, брошенные композитору Ф. Толстому, одному из «русских парижан» того времени, по поводу сочиненной им «французской» оперетты: «С подобными пустячками нашему брату — русскому композитору выступать перед публикой не следует. Нам предстоит задача серьезная — выработать собственный свой стиль и проложить для оперной русской музыки новую дорогу» (разрядка моя. — **Б. Я.**). Так ясно и четко сформулировал Глинка высокую цель передового русского художника, такой была и его собственная творческая задача. Последовательно и упорно он проводит ее в жизнь. «Главное хорошо выбрать сюжет. Во всяком случае он будет совершенно национальный...» — пишет он в одном из своих писем в 1834 году. Немного позже снова: «Мысль о национальной музыке (не говорю еще оперной) более и более прояснялась, я сочинил тему «Как мать убили...»

Первые музыкальные темы будущего творения Глинки появились еще в 1827 году, за десять лет до окончания оперы,— он написал несколько «театральных сцен для пения с оркестром»; из них-то и выросли многие эпизоды будущего «Сусанина». В 1828 году Глинка сочиняет известный бытовой романс «Не осенний частый дождичек»; этот романс вошел позднее в оперу почти без изменений как основа романса Антониды «Не о том скорблю, подруженьки»; в то же время был создан и романс «Как мать убили...» — прообраз будущей песни сироты Вани.

Трудно переоценить значение этой работы Глинки. В разнообразных музыкальных «зарисовках» чувств грусти, веселья, раздумья с их типично русской, национальной окраской композитор широко использовал бытующие у народа мелодические интонации. Так формировался музыкальный язык его произведения, рассчитанного на массового, демократического слушателя.

1834 год — решающий для рождения замысла «Ивана Сусанина». По возвращении из-за границы Глинка едет в Москву, где он встречается с Мельгуновым, Аксаковым, Шевыревым. В доме у Мельгунова, в теплой, дружеской обстановке Михаил Иванович играет свои эскизы, делится с друзьями творческими планами. По всей вероятности, в эти дни и возникла мысль создать оперу на сюжет популярной в то время повести Жуковского «Марьина роща». Ее национальный колорит, хотя и сдобренный высокопарной романтикой, казался в то время композитору и его друзьям привлекательным сюжетом именно для оперы. Одна из картин повести — возвращение земледельцев с поля — особенно увлекла Глинку, об этом свидетельствует воспроизведение ее позднее в первом акте «Сусанина».

Жуковский, однако, не одобрил выбора Глинки и подсказал ему другой сюжет — о великом патриотическом подвиге костромского крестьянина Ивана Сусанина. Образ этот был Глинке хорошо знаком с детства: в русской истории, написанной Сергеем Николаевичем Глинкой, немало теплых строк посвящено описанию мужества, отваги Сусанина, в частности подробно воспроизводилась драматическая сцена убийства интервентами Сусанина.

Глинка загорелся и решил писать симфоническую ораторию в трех сценах: русской (сельской), польской и торжественной — заключительной. Выбор такой формы объясним: вывести на сцену в качестве оперного героя мужика с окладистой бородой, в простом зипуне было делом невиданным, противоречило бы традициям тогдашней оперной эстетики. Но Глинка все же решился вскоре и на это; отказавшись от оратории, он начинает писать оперу. Немалую роль здесь сыграло его знакомство с известной думой Рылеева о Сусанине. Картина завьюженного леса, зардевшей зари, героическая смерть костромского крестьянина воспламенили пылкое воображение. Композитор сам быстро составил план и, повидимому, тогда же отметил те строчки в рылеевском тексте, которые должны были обязательно войти в либретто.

Сцена в лесу, навеянная стихами и образами поэта-декабриста, захватывающая картина поединка между коварными панскими наемниками и простым крестьянином, вооруженным лишь бесстрашием русского духа, многое подсказали Глинке. Он пишет: «Я... так живо переносился в положение моего героя, что волосы у самого меня становились дыбом и мороз подирал по коже...» Как это часто бывает у подлинных художников, только лишь в результате перевоплощения в своего героя Глинка сумел до конца осознать музыкальный замысел оперы, почувствовать и сложить гениальные эпические мелодии партии Сусанина.

В качестве либреттиста Жуковский рекомендовал Глинке некоего барона Розена, «усердного литератора из немцев», близкого царскому двору. «Барон Розен ретиво приступил к делу, и из уважения к В. А. Жуковскому мне нельзя было избегнуть его содействия». Так многозначительно признается сам композитор в истинных причинах столь странного творческого «союза».

К сожалению, до нас не дошла рукопись либретто «Ивана Сусанина», но два—три уцелевших черновых листка красноречиво говорят о попытках композитора многое изменить в тексте, предложенном ему титулованным либреттистом. В некоторых решающих сценах будущей оперы Глинка, зачеркивая текст Розена, вписывал свои слова.

Так, например, мы встречаем в рукописи либретто около знаменитого ответа Сусанина полякам: «Туда завел я вас, куда и серый волк не забегал...» — сле-

дующую пометку композитора: «C'est a Michel Glinka» («Это принадлежит Михаилу Глинке»).

В своей первой опере Глинка противопоставляет богатому и разнообразному миру чувств русских людей эмоциональную однoликость другого лагеря — польских интервентов, широте и щедрости русских мелодий — внешне блестящие, но бессодержательные и статичные танцевальные ритмы. Глинка настойчиво проводил в жизнь этот замысел; он отказывался ради него от многих других сцен, которые требовали либреттисты для изображения польской шляхты; лукаво, но многозначительно отводил он в период работы над оперой недоумения друзей по поводу странного (как им казалось) дивертисментного характера второго, польского акта оперы.

В многообразии чувств русского народа композитор выделил главное, ведущее начало — высокий патриотизм. Развивая от начала до конца оперы именно эту тему, утверждает Глинка идею оперы, приводя своего слушателя к «архигениальному» (по словам П. И. Чайковского) патриотическому гимну «Славься». Солнечному, победному заключительному русскому музыкальному образу оперы противостоит другая, также по-своему «итоговая» музыкальная ее тема — характеризующий печальную и бесславную судьбу интервентов образ как бы «оледеневшей», поникшей мазурки в сцене убийства Сусанина в лесу, той самой мазурки, которая так пышно и горделиво звучала в блестящем зале короля Сигизмунда во 2-м акте.

Эти две взаимно связанные, непрерывно развивающиеся в течение всей оперы мелодические линии со столь различными смысловыми заключениями и образуют музыкальную драматургию всей оперы, что было невиданным и неслыханным до Глинки. Из оперных произведений с «Сусаниным» в этом случае можно сравнить лишь «Фиделио» Бетховена (которую, кстати, очень высоко ценил Глинка). Но в отличие от бетховенской в русской опере сквозное симфоническое развитие более органически связано с динамичным сценическим действием. Опера Глинки — яркое театральное произведение и потому более доступна массовому слушателю.

В опере «Иван Сусанин» основной действующей группой является семья Сусанина. Но героев оперы слушатель воспринимает прежде всего как представителей народа. Интересы семьи Сусанина — это интересы ее отечества, думы Сусанина — это мысли и чаяния народные, подвиг его говорит о воле, силе и патриотизме всей русской земли.

Ту же идею Глинка дополнил и развил во второй своей опере — «Руслан и Людмила».

Еще при жизни великого композитора, с легкой руки того же Кукольника, была пущена в ход версия о том, что во второй опере Глинки якобы отсутствует идейный замысел. Советские музыковеды, в особенности академик Б. В. Асафьев, уже давно разоблачили эту легенду. Известно, что Глинка, наоборот, сознательно отошел от «шаловливой поэзии» гениальной поэмы Пушкина, не пожелав ограничиться комедийно - сказочной трактовкой ее образов.

При обдумывании плана оперы Глинка оказался верен своему однажды высказанному положению: «...звуки тогда естественны, когда они верно отражают идею или чувства композитора». Бережно сохранив чудесный национальный аромат поэмы Пушкина, композитор значительно углубил ее идею, рельефнее выписал основные образы. Именно эти качества с лихвой искупают некоторую несовершенность драматургии оперы.

В эпических музыкальных формах Глинка показывает величие духа и богатырскую силу русского народа, обобщенных в гениальных образах Руслана и Людмилы. Он показывает их в столкновениях с представителями других стран и народов. Он подвергает своих героев серьезным испытаниям — в замке злой и хитрой волшебницы Наины, злобного, могущественного карлы Черномора. В столкновениях с мрачными силами зла Глинка утверждает могучие и светлые черты русского народного характера, гуманистическую идею оперы.

В IV и V действиях оперы Глинка показывает своего Руслана не только как бесстрашного витязя-патриота, но и как самоотверженного борца за счастье других народов. Знаменитый, наиболее драматический хор «Погибнет» (во время поединка Руслана и Черномора) передает панический страх рабов Черномора за исход битвы, боязнь за свою судьбу. Руслан избавляет от плена не только свою невесту, он освобождает и рабов, представляющих различные народы. Он уничтожает черноморово царство зла и насилия над людьми. Именно поэтому в финале оперы — торжественном гимне силе русского народа (Слава Руси пронесется в отдаленные страны) — Глинка смело соединяет ликующую русскую музыкальную тему (из увертюры оперы) с лезгинкой и другими национальными мелодиями, напоминая о рабах злого карлы, освобожденных русским богатырем от ига.

Работая над своей второй оперой, Глинка широко и смело использовал в ее музыкальном языке бытующие песенные интонации, популярные танцевальные жанры. Далеко не все из его друзей одобряли новые творческие приемы композитора. В этом смысле интересна и показательна мысль, высказанная Глинкой в споре по поводу известной арии Ратмира («Чудный сон...»), написанной в популярной форме простого вальса. «По старому смыслу музыкальной эстетики быть может Вы правы (ритм вальсовой формы Вас шокирует, не так ли?), но Вы увидите, что именно этот нумер из всей моей оперы более всего понравится нашей публике!» — убеждал композитор.

Смысл этих слов, конечно, не в том, что Глинка решил следовать моде. Причина появления в опере ритма вальса гораздо глубже: она заключается в смелом использовании любимых бытовых музыкальных форм, прочно связанных в сознании широкой публики с определенным кругом чувств. Благодаря этому переживания героев оперы всегда находили и находят живой отклик у слушателя.

Характерно, что многие лучшие мелодии оперы созданы Глинкой под непосредственными впечатлениями виденного, слышанного. Так, например, тема пира у Светозара (интродукция «Руслана и Людмилы») возникла у композитора, по его признанию, на одном из званых обедов, под «стук ножей, вилок и тарелок»; мрачные музыкальные образы поединка Руслана с чудовищем зародились под сильным впечатлением от обстановки комнаты друга композитора — художника Степанова: комната его была заставлена скелетами и черепами; лучшие лирические мотивы «Руслана» возникли в сознании Глинки во время поездок в Смоленск в ожидании встреч с любимой им Е. Керн.

Всю свою жизнь Глинка жадно тянется к народной мелодии. Он лично записывал много песен. И не только на родной ему Смоленщине, но и в поездках на Украину, в Финляндию, Испанию, у своих знакомых и друзей — Грибоедова, Айвазовского, Одоевского и многих других. Песня используется Глинкой не только в хорах или ариях, ее интонации мы слышим в речитативах Сусанина, в оркестре.

Как тонко воспроизводит композитор в обогащенном виде подслушанные или записанные им напевы и в опере, и в романсе, и в знаменитой «Камаринской»! Но и оригинальные мелодии Глинки так близки к народному мелосу, что невозможно подчас отличить подлинную тему Глинки от народного напева или танца. Так они величественно просты, столь совершенны! Когда в 1836 году на сцене петербургского оперного театра впервые прозвучала вдохновенная музыка «Сусанина», ее мелодии словно обрели волшебные крылья. Их стали распевать всюду, из них создавались попурри, их перекладывали для гитары, флейты, скрипки. Так великий композитор-патриот, питаясь живительными соками народных мелодий, возвращал их народу, обогатив эти мелодии чудодейственной силой своего гения.

Глинка — признанный глава русской классической музыкальной школы. Его передовые творческие принципы легли в основу деятельности Даргомыжского и Мусоргского, Бородина и Чайковского. По утверждению автора знаменитой Шестой симфонии и «Пиковой дамы», вся русская симфоническая музыка выросла из «Камаринской» Глинки, как дуб из желудя. В канун XX века, когда из западных краев потянуло ядовитым ветром модернизма, другой великий корифей русской музыки, Н. А. Римский-Корсаков, по его признанию, сознательно обращается к великим глинкинским традициям и пишет оперу «Царская невеста» «в духе Глинки». На нападки некоторых воинственно-«современных» критиков, обвинявших Римского-Корсакова в ретроградстве—в глинкианстве,— он ответил следующими знаменательными словами: «Вот что я глинковец это верно, и притом глинковец, словом и делом борющийся против вагнеризма, заведшего музыку в глухой переулок, откуда ей ходу нет». Оговорим, что Римский-Корсаков имел в виду не столько музыку самого Вагнера, которую он за многое ценил, сколько произведения бездарных последователей великого немецкого композитора — модернистов кануна XX века.

И в наши дни и в нашем новом мире славные глинкинские традиции еще на многие годы останутся могучим творческим светочем, освещающим реалистические пути великого искусства музыки.

Б. ЯРУСТОВСКИЙ

Дорога

Ник. УШАКОВ

От чистых небес голубая,
от частых ростков зелена,
весна без предела и края,
в республиках наших — весна.
На Каме она
и на Волге,
в Сибири далекой поет.
Ну что же,
нам сборы недолги:
рюкзак уложил —
и в поход.
Из Каспия в Черное море,
в Каховку,
а там в Кременчуг
пойдем по волнам на просторе.
Ты что же задумался, друг!
Быть может,
на память дорога
пришла тебе —
Днепр буревой:
на лодке два первых порога
когда-то мы взяли с тобой.
Мы годы шестого десятка
считаем с тобой,
старина,
но вся наша жизнь без остатка—
Отчизне,
в которой — весна.

Слово об атоме

Ив. РЯДЧЕНКО

Что ты делал, мой мальчик,
мой сынок ясноглазый,
в день, когда в голубой
океанской пустыне
взбунтовался огонь,
взвились тучами газы
над тебе незнакомым
атоллом Бикини!
Спать ложился ли ты
в это время в кроватку!
Языком ли ты цокал,
завидев лошадку!
Ты не плакал, сынок,
ты не вздрогнул и малость
в миг, когда
водородная бомба
взрывалась...
Ветер первые травы
колышет игриво,
почки весело смотрят
с раскинутых веток.
Далеко до Бикини...
Отзвук этого взрыва
к нам донесся лишь в виде
газетных заметок...
Посягают на мирные
будни планеты,
на былое,
на будущий день человека
сумасшедшие рыцари
звонкой монеты,
эти все каннибалы
двадцатого века.
Светом майских лучей,
яркой зеленью в пущах,
вечной горечью вдов,
первым чувством влюбленных,
всею памятью павших,
всею силой живущих
похороним войну
на ее полигонах!
Лучше атом наречь
не заклятьем крылатым,
не проклятьем всего
человечьего рода,
а сказать во весь голос:
— Да здравствует атом,
геркулес-работяга
на благо народа!..
Смотрит мельница вслед
журавлиному клину.
Изумрудны ростки
восходящего хлеба.
Я хочу подарить
ясноглазому сыну
мир без атомных бомб,
синь спокойного неба.

Республиканская станция юных натуралистов в Киеве. Живописный домик, окруженный зеленью, хорошо знаком пионерам Украины. Вокруг, на площади в 38 гектаров, раскинулись опытные поля, сад, пасека, виноградники, теплицы, большой пруд, березовая роща. Каждое лето сюда, в пионерский лагерь юных натуралистов, из городов и сел республики приезжают дети, которые занимаются изучением природы.

ЮНЫЕ НАТУРАЛИСТЫ УКРАИНЫ

Фото Н. Козловского.

В кабинете основ дарвинизма можно увидеть многочисленные образцы выращенных юными мичуринцами растений, новые сорта различных культур. Среди них — высокоурожайный гибрид кукурузы, полученный от скрещивания сортов «Воронежская-76» и китайского «Эр-мич-дзы». Работа по созданию гибрида длилась несколько лет. Школьница Нина Юрченко так увлеклась этим делом, что по окончании школы поступила в сельскохозяйственный институт.

По этому пути идут многие юные натуралисты. Бывший ученик Ново-Георгиевской школы, Кировоградской области, Николай Василенко теперь учится в Тимирязевской академии; Елена Рогочая — студентка биолого-почвенного факультета Киевского университета. Все они стараются не терять связей со станцией.

На нашем снимке: научный сотрудник Л. Г. Торгало беседует с пионерами на опытном поле.

Каждое утро у вольеров можно встретить пионеров, наблюдающих за жизнью зверей и домашних животных. Ученицу 2-й киевской школы Лиду Савинок мы засняли с теленком Приемышем. Хоть он и «приемыш», но в няньках у него недостатка нет.

Маленький лисенок — всеобщий любимец. Его выкормили пионеры, он привык к ним и не проявляет никакого беспокойства, когда около него собираются дети. Подружилась с лисенком девочка из закарпатского поселка Велике Березне Оля Березаныч. Рядом с ней школьник Саша Ильман.

Нам посоветовали поговорить с рыбоводами. «Главный ихтиолог» — ученик 25-й киевской школы Игорь Акимов. Мальчики готовили коллективную работу «Жизнь водоема». Юра Фатеев и Стасик Яржемский были заняты важным делом: они проверяли, сколько весят карпы. Хорошо выросли! Можно похвалиться перед дедушкой Макаром Акимовичем Грабовским, который ведает всем хозяйством станции.

У юных натуралистов своя метеорологическая станция. В этот день наблюдения вели Люда Бондаренко, ученица Дубовязовской школы, Сумской области, и Лара Михайлик, ученица Буднянской сельской школы, что на Харьковщине.

* * *

Круглый год республиканскую станцию посещают экскурсанты. Тысячи учителей и работников областных станций юных натуралистов обращаются сюда за консультацией. Здесь проводят методические конференции; станция издает научно-популярную литературу. По решению правительства Украины в этом привлекательном месте для детей строится красивое трехэтажное здание с научными кабинетами и лабораториями, лекционным залом, библиотекой и зимним садом.

Юные натуралисты, работая на опытных участках, в питомниках и лабораториях, ведут дневники, составляют гербарии и коллекции, которые потом демонстрируются на уроках. Так станция входит в повседневную жизнь украинских школ.

В. ШУМОВ

Москва. На стадионе «Динамо». Массовые гимнастические упражнения физкультурников.

БРАТСТВО И ДРУЖБА

З. ХИРЕН
Специальный корреспондент «Огонька»

Только что отгремел последний артиллерийский залп праздничного салюта. Высоко в небе над Киевом колышется освещенное прожекторами алое знамя. Светло на улицах и площадях города. Многолюдно в парках и садах. Залит огнями фейерверков Днепр. Скользят по глади реки быстроходные катера и глиссеры. Повсюду слышатся песни. Вдали виднеется освещенный праздничными огнями пароход.

Не раз в эти дни казалось, что все народы необъятной нашей Родины собрались в Киеве, чтобы крепко, по-братски пожать друг другу руки. В сущности, так оно и было. Русская, украинская, белорусская речь слилась с казахской, узбекской, латвийской, грузинской...

На юбилейной сессии Верховного Совета УССР вслед за руководителем делегации Российской Федерации выступали посланцы всех наших республик. Вновь и вновь звучали слова: «Навеки с Москвой».

Почти у каждого народа есть что сказать о его связях с Украиной. Казахи напомнили о том, что Тарас Шевченко был первым украинцем, который поведал миру о жизни трудового казахского народа. Грузины с гордостью произносили имена поэтов Давида Гурамишвили и Леси Украинки. Для Давида Гурамишвили Украина была второй родиной; Леся Украинка долгое время жила и творила в Грузии.

Но больше всего в эти дни говорили не об истории, а о настоящем и планах на будущее.

Казахи передавали привет киевлянам от тысяч украинских хлопцев и девчат, которые в эти дни трудятся на поднятии целины Казахстана. Киргизы говорили о знаменитой украинской свекле, завоевавшей уважение у киргизских колхозников, азербайджанцы — о соревновании между бакинскими и бориславскими нефтяниками.

Границы праздника как бы расширились, когда на трибуну сессии поднялся руководитель делегации Сейма Польской Народной Республики Стефан Игнар.

— История не знала до сих пор таких братских уз, какими соединены народы Советского Союза,— сказал он,— и какие связывают ныне советские народы с народами стран народной демократии. Эти узы крепнут благодаря глубоко гуманистическим принципам, на которые незыблемо опирается внутренняя и внешняя политика Советского Союза...

Много было в эти дни встреч, которые останутся в памяти навсегда. Мы видели, как украинская крестьянка подошла к пожилому русскому генералу и через минуту они целовались, плакали, смеялись. Оказалось, что последний раз женщина видела генерала без малого десять лет тому назад, у себя дома, в далеком закарпатском селе. Войска генерала, освобождая Закарпатье от оккупантов, принесли свободу и к ним в село, когда женщина эта была неграмотной батрачкой. Ныне она депутат Верховного Совета УССР, Герой Социалистического Труда, приехала на юбилейную сессию. И вот — встреча!

В день празднования на площади Богдана Хмельницкого в Киеве.

Глава делегации Товарищества объединенных украинцев Канады И. П. Бойчук рассказывал о том, как когда-то горькая судьба угнала их на чужбину искать лучшей жизни.

— Но эту лучшую жизнь нашим братьям и сестрам принес Великий Октябрь,— сказал гость из Канады,— на родной земле.

Теперь приехал он в гости к украинскому народу, просил принять низкий поклон, целовал родную украинскую землю, благодарил великий русский народ за то, что на протяжении столетий он был верным другом украинцев.

Не забыть минуты, когда на Крещатике, к концу военного парада, вдруг наступила полная тишина, сменившаяся затем громом аплодисментов. Во всю ширину улицы шла шеренга первоклассников. В руках у них были огромные букеты сирени. Равнение малышам не удавалось выдержать. И все-таки сколько красоты и радости внесли они на Крещатик! С восторгом и любовью смотрят на маленьких украинцев матери Белоруссии, Азербайджана, Литвы, Латвии, из всех шестнадцати республик, гостивших сейчас в Киеве. Малыши, которым ко Дню 300-летия воссоединения Украины с Россией едва исполнилось восемь лет, как бы еще раз подчеркнули значение братства и дружбы народов Советского Союза.

Гости Киева: слева — польская делегация, справа — делегация украинцев Канады.

Фото Н. Козловского.

Общий вид Женевы.

НА ЖЕНЕВСКОМ СОВЕЩАНИИ

Заметки польского журналиста

Эдмунд ОСМАНЧИК

Из многочисленных пресс-конференций, на которых мне приходилось до сих пор присутствовать, особенно запомнилась одна. Такой бурной пресс-конференции журналистам, находящимся в Женеве, еще не доводилось видеть! Выступивший на ней французский пресс-секретарь Байенс сотворил «чудо»: сам того не предвидя, он объединил журналистов самых различных политических направлений!

Министр иностранных дел Корейской Народно-Демократической Республики Нам Ир.

Глава делегации Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донг.

Речь шла о вывозе раненых из Дьен Бьен Фу — деле, вокруг которого французская делегация (надо полагать, не без ведома американской) сразу же начала плести сложные петли маневров. Байенс торжественно оповестил всю мировую печать о том, что «Вьетмин саботирует соглашение о вывозе раненых»! Но тут со всех сторон начался обстрел вопросами. И сразу выявилось нечто совсем противоположное: оказалось, что сами французы саботируют договоренность, что командование экспедиционного корпуса без предупреждения начало бомбить дорогу, по которой вьетнамцы вывозят больных, и в результате — пятнадцать тяжело раненных французов убиты французскими же бомбами!

Зал дрожал от криков возмущения, когда Байенс на вопрос: «Известны ли французской делегации результаты сегодняшней ожесточенной бомбардировки?» — с усмешкой ответил: «Мелкие подробности нам неизвестны, но результаты, в общем, удовлетворительные...»

Затем последовал второй вопрос: «Была ли оповещена вьетнамская сторона, транспортировавшая ваших же раненых по дороге № 41, о том, что этот путь будет подвергнут бомбардировке?» Байенс сказал: «Только по радио... подтверждения не было». Ответ вызвал бешеный топот ног и свист нескольких сот журналистов.

Всем стало ясно, что такой маневр французской стороны прямо рассчитан на то, чтобы осложнить ход переговоров в Женеве, любыми средствами обострить обстановку...

...Любопытный разговор был у меня с одним американским журналистом. Он сказал совершенно серьезно:

— Одна из наших трудностей заключается в том, что в Соединенных Штатах имеется целых полдюжины министров иностранных дел и каждый из них слишком многословен...

— То есть как это «полдюжины»? — в изумлении спросил я.

— Сейчас я вам объясню... Первый — это президент. Второй — сам мистер Джон Фостер Даллес. Третий — лидер республиканской партии сенатор Ноуленд. Четвертый — председатель сенатской комиссии по иностранным делам мистер Уайли. Пятый — республиканский сенатор от штата Мичиган, мистер Фергюссон. Ну и, наконец, шестой — это... сенатор из Висконсина, мистер Маккарти!..

Я вспомнил, что некоторые из вышепоименованных деятелей США уже несколько раз в ходе Женевской конференции выступали публично по обсуждаемым здесь вопросам. И каждый раз вокруг этих выступлений создавался невероятный газетный шум.

Позднее я снова встретился с этим американцем. Он возбужденно заметил:

— Президент Эйзенхауэр заявил сегодня, что пакт Юго-Восточной Азии можно организовать и без Англии!.. Как видите, мы делаем «успехи»!.. Создаем пакт без Англии, без Индии, без Цейлона, без Индонезии, без Бирмы, без Австралии, без Новой Зеландии... Это доподлинная вершина дипломатического искусства!

Он был явно взбешен. Я охотно выразил ему сочувствие.

...Встретившись в Доме Прессы с французскими журналистами, я услышал от них образное определение того положения, в котором находится в Женеве глава французской делегации: одна нога увязла в Вашингтоне, другая — в Индо-Китае, а за руки держит Париж. Бидо, сказали мне французские коллеги, все еще ждет, что некое «чудо» превратит его в женевского Талейрана; но он, кажется, напрасно ждет этого от франко-американских переговоров, цель которых — поставить на колени... Англию, Китайскую Народную Республику, Индию, ну, и, конечно, Советский Союз! То есть в сумме около миллиарда людей!..

...21 мая пронеслось новое дуновение надежды на успешное развитие переговоров. Обсуждение вопроса о восстановлении мира во Вьетнаме, кажется, сдвинулось с мертвой точки! По единодушному мнению большинства журналистов, заслуга в этом принадлежит советской делегации.

В Доме Прессы журналисты оживленно обсуждали вопрос о том, что соблюдение условий перемирия во Вьетнаме должно быть гарантировано участниками Женевского совещания. Внезапно кто-то из западных журналистов громко крикнул:

— Если участники Женевской конференции должны гарантировать перемирие, то ведь это, по существу, означает, что гарантами будут пять великих держав!.. Черт побери! Ведь это будет фактическим признанием участия коммунистического Китая в международных органах в качестве великой державы!

На этот вопль один итальянский журналист насмешливо ответил:

— А вам, наверно, хотелось бы, чтобы после Женевской конференции народный Китай исчез с карты мира?

Все рассмеялись. Есть же еще такие люди, как этот журналист, рассуждающие с точки зрения... прошлого столетия!

...Монблан закрыт тучами. Холодно. Женевцы жалуются, что уже много лет не наблюдали такой суровой весны. Но по главным улицам Женевы тянутся вереницы автомашин: женевцы выезжают за город на субботу и воскресенье. Бидо на два дня выехал в Париж, Иден — в Париж и в Лондон. В группе журналистов идет тихий разговор о том, что принесет будущая неделя Женевского совещания. Смолкнут ли наконец орудия в Индо-Китае? Перестанут ли падать американские бомбы на измученную вьетнамскую землю?

Некоторые круги США упорствуют, желая применить в Женеве обанкротившуюся «политику силы». Советская, китайская делегации, представители Корейской Народно-Демократической Республики и народного Вьетнама убедительно показывают всю несостоятельность этих попыток. Все яснее становится, что никому не удастся снова надеть колониальное ярмо на шею народов Азии, которые обрели свободу и независимость.

Женева, 23 мая.

В Доме Прессы. Рисунки Е. Ключевской.

Выдающийся борец за мир

В отрогах Альп, в нескольких километрах от Гренобля, есть небольшая долина. Накануне революции 1789 года крестьяне-горцы и жители городов собрались там и совместно дали клятву: защищать свободу. Невдалеке от этой колыбели свободолюбивых идей родился и вырос Пьер Кот.

Он прошел через тяготы первой мировой войны, и любовь к свободе неразрывно слилась в нем с решимостью бороться за мир.

Избранный впервые в 1928 году депутатом парламента от Савойи, Пьер Кот примыкал тогда к партии радикалов, представляя в ней левое, прогрессивное крыло, связанное с республиканскими традициями. В 1934 году он был одним из самых горячих сторонников единства действий всех демократических сил в Народном фронте.

Будучи министром авиации в правительстве Леона Блюма, Пьер Кот вопреки пресловутой политике «невмешательства» всячески старался поддержать республиканскую Испанию.

Пьер Кот был яростным противником политики Мюнхена, он горячо отстаивал дружбу Франции с Советским Союзом как путь, ведущий к миру. И когда черная тень оккупации легла на Францию, он решительно порвал всякие отношения с предателями из Виши.

После освобождения Франции Пьер Кот создает в Национальном собрании прогрессивную группу, которая рука об руку с коммунистами боролась против кабального плана Маршалла, агрессивного Атлантического пакта, борется против грязной войны в Индо-Китае и перевооружения Западной Германии. Пьер Кот без устали доказывает, что только политика дружбы и союза с СССР может обеспечить независимость Франции, мир и безопасность в Европе.

Пьер Кот — один из виднейших руководителей движения сторонников мира во Франции, редактор журнала «В защиту мира», член Всемирного Совета Мира. К его голосу прислушиваются самые широкие круги французской общественности — об этом свидетельствует послание Эдуарда Эррио, участие Поль-Бонкура и других видных общественных деятелей в церемонии вручения Пьеру Коту международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Эту почетную награду Пьер Кот получил как человек, своим личным участием в борьбе за мир выразивший волю и надежды миллионов французов.

Роже ГАРОДИ,
французский журналист.

Праздник на Пулковской горе

Вблизи Стрелки Васильевского острова, в одном из живописнейших уголков Ленинграда, высится куполообразная башня бывшей петровской кунсткамеры. В трех этажах ее еще двести двадцать девять лет назад была организована первая русская академическая обсерватория, оснащенная самыми совершенными по тем временам инструментами.

Прошло немного лет, и обсерватория на Васильевском острове оказалась в центре быстро разросшегося города на Неве. Вести наблюдения здесь стало трудно. И тогда на холмистой возвышенности у села Пулково, что в восемнадцати километрах к югу от города, возникла знаменитая Пулковская обсерватория. Она была основана значительно позже Парижской и Гринвичской обсерваторий, однако по значению научных открытий и точности наблюдений быстро заняла почетное место в мировой астрономической науке.

Накануне Великой Отечественной войны Пулковская обсерватория отметила свое столетие. Ее авторитет среди ученых мира неоспорим. Во всех частях земного шара Пулково называют астрономической столицей мира.

Осенью 1941 года фашисты дотла уничтожили все здания обсерватории. Ныне Главная астрономическая обсерватория в Пулкове полностью восстановлена.

На прошлой неделе в Ленинграде, в конференц-зале Академии наук, собралось свыше пятисот виднейших советских ученых — представителей шестнадцати союзных республик. В зале слышен английский, французский, китайский, шведский, немецкий язык. На празднество прибыли ученые из 24 стран — видный китайский астроном профессор Хуа Ло-ген, президент астрономического общества США Д. Нассау, директор Стокгольмской обсерватории Б. Линдблад, английский астроном Д. Сэдлер, французский академик А. Данжон, астрономы Германской Демократической Республики, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Польши. Сессию Отделения физико-математических наук Академии наук СССР и Главной астрономической обсерватории открыл вице-президент Академии наук СССР академик И. П. Бардин.

В Пулкове, на высоком холме, покрытом густым зеленым ковром, ученые осматривали многочисленные павильоны и башни для научных наблюдений, жилые дома, гостиницу. В полдень дорожки перед входом в главное здание обсерватории заполнили гости. Академик Бардин разрезает красную ленту, протянутую между колоннами портика.

Приветствие Международного астрономического союза оглашает его генеральный секретарь — голландский ученый профессор П. Оостергофф. Его сменяет китайский ученый Хуа Ло-ген. Он передал пулковским астрономам расшитое красное знамя с надписью: «Пулковской обсерватории — астрономической столице мира, вершине передовой науки — от Академии наук Китайской Народной Республики».

От астрономов Гринвича передает привет директор английского «Морского ежегодника» Д. Садлер. Директор Иельской обсерватории США профессор Д. Брауэр, выразив благодарность за оказанное гостеприимство, сказал:

— Мы рассматриваем приглашение американских астрономов на этот праздник как стремление астрономов СССР способствовать взаимным связям между астрономами наших обоих полушарий. Пусть принятие вашего приглашения означает, что это стремление является обоюдным.

К. ЧЕРЕВКОВ

Гости осматривают обсерваторию.

Фото Н. Ананьева.

Первое утро

После экзамена.

Фото Р. Лихач.

...Друзья и не думали уходить. Они уселись на низкой скамейке под тополями и каждого, кто выходил на школьное крыльцо, встречали вопросами: «Сдал? А тема какая?» «Горький...»

Сосед говорит соседу: «Подвинься»,— и на скамейке становится все тесней. Десятиклассники сидят лицом к своей школе. Ветер гонит над ними светлые облака, за спиной пахучей листвой шумит сад, ровесник их школьной жизни. Малыши деловито поливают грядки, и звенит, как всегда, трамвай на Шаболовке.

Десять лет перед ребятами открывались двери московской школы № 584. Неизвестно, где они встретят осень нынешнего года — в аудитории вуза или в цехе завода,— но они будут благодарны своей школе: десять лет учили их здесь любить знания и труд.

Не так давно выпускники были в цехе хрустального завода и видели, как люди делают стекло. Вместе с учителем они посещали «Серп и молот». Много новых друзей появилось у них в эту зиму: мастера, рабочие, инженеры.

В школьной мастерской ребята мастерили потом макеты станков. И вот теперь в коридоре разместилась под стеклом целая выставка. Какое это хорошее подспорье учителям в новом учебном году! Будут проходить тему «Стекло» или «Железо» — вот и наглядные пособия.

Кончился первый экзамен. В зале не осталось ни одного выпускника. На столе экзаменационной комиссии белеют высокие стопки сочинений. И хотя всем пора по домам, и хотя через три дня следующий экзамен, трудно сегодня расстаться со школой. Ребята прохаживаются по молодому саду. Все вместе выходят на шумную улицу. Малыши, поставив на мокрые грядки свои лейки, машут старшим перепачканными зеленой рассадой руками...

К. ЯКОВЛЕВА

Нелли Окропиридзе.
МАТЬ.

Дети Китая

Только в 46 городах Китайской Народной Республики имеется более 50 тысяч детских яслей и садов. Дети находятся там под постоянным наблюдением врачей.

Пионеры города Ханчжоу на прогулке у озера Сиху.

Ханькоу. В детских яслях на текстильной фабрике.

ПОХИТИТЕЛИ

Четверть века тому назад американский конгресс принял закон, по которому увод или похищение детей — «кид-нэппинг» — карается смертной казнью. Тогда мир и узнал это ходячее американское словечко, сохранившееся до наших дней наравне с таким укоренившимся в американском быту словом, как «линчевание».

В последние годы статистики так называемого «свободного мира» хвастаются... сокращением числа линчеваний в Америке. Эта статистика учитывает только такие случаи, когда безыменная толпа охотится за негром и умерщвляет его. Если же, скажем, суд приговорит негра по стандартному лжеобвинению в «изнасиловании белой женщины» или полицейский застрелит негра по любому поводу или вовсе без повода,— это уже «не линчевание».

Ныне американская юстиция подарила миру и пример узаконенного «кид-нэппинга».

* * *

Это была дружная, сплоченная семья. Родители души не чаяли в детях.

— Мне кажется, я неплохая мать, — рассказывает соседка супругов Юлиуса и Этель Розенбергов, — но у меня никогда не хватило бы терпения столько возиться с детьми.

Однажды утром к ним постучались в дверь агенты ФБР.

— Для детей,— продолжает свой рассказ соседка,— это было чем-то вроде землетрясения. С арестом отца мать отдала детям всю свою любовь и терпение. Она попрежнему говорила им, что жизнь прекрасна, что люди добры.

Потом наступила ночь, когда увели мать,— и детям сразу довелось познать людскую низость. Их поместили у бабки с материнской стороны. В ту же ночь она позвонила адвокату Юлиуса, Эммануэлю Блоху. Пожаловавшись на старость и болезни, бабка сообщила, что дети слишком шумливы, что она решила поэтому отослать их в полицейский участок. Из полиции их отправили в приют.

В конце концов детей удалось поместить в одной семье в маленьком городке штата Нью-Джерси. И тут у них появился верный друг—адвокат Эммануэль Блох. Шли месяцы, длился процесс, но дети еще ни разу не повидались с родителями: те ни на минуту не сомневались, что будут оправданы, что вернутся домой, и им не хотелось отягощать душу детей печальным зрелищем тюремных свиданий.

Потом свидание состоялось. И как только адвокат Блох вышел из ворот тюрьмы Синг-Синг, держа детей за руки, на него накинулась ревущая толпа репортеров, фотографов, кинооператоров. При вспышке магния они стали тормошить старого адвоката и двух малышей, стараясь заполучить у них хоть пару «сенсационных» фраз...

Потом было еще несколько свиданий — уже в корпусе смертников. Родители терпеливо и нежно объясняли детям, что люди добры и жизнь прекрасна, несмотря ни на что, наперекор всему!

Процедура казни передавалась по радио. Говорили, что только по техническим причинам ее не транслировали для телевидения. У радиоприемника Майкл и Робби услышали — хотя ничего не поняли,— что для умерщвления отца потребовалось три включения тока, для убийства матери — пять.

Казалось, после этого можно было оставить детей в покое. Так и поступили бы американские власти, если бы родители были хоть в чем-нибудь виновны. Но не только те, кто их казнил,— все человечество знало, что Юлиус и Этель Розенберги были осуждены по ложному, состряпанному полицией доносу. Власть имущие боялись: оставляя в покое детей, они дадут повод думать, что сожалеют о содеянном.

Однажды — это было в декабре прошлого года — в городок, где жили дети, приехали незнакомые люди. Они заглядывали в дома, шныряли по кухням, о чем-то расспрашивали лавочников.

Две недели провели агенты ФБР в городке. Потом адвокат Блох получил официальное извещение: он должен в двадцать четыре часа забрать детей из школы, куда они ходили уже около года.

Адвокат старался найти для детей другое пристанище. Супруги Эбл и Анна Майрополы, оба педагоги, очень любили детей, но своих у них не было. Эбл был поэтом; под псевдонимом Льюис Аллен он написал много песен, в том числе песню «Странный плод» — о линчевании негров. В декабре прошлого года Майкл и Робби переехали к новым родителям. Те, кто их видел потом, говорили, что с ребятами произошло чудесное превращение. Дети изголодались по нормальной семейной жизни — теперь они наслаждались тишиной, безопасностью, лаской, музыкой. Даже смерть Эммануэля Блоха — он не выдержал начатой вокруг него травли — мальчики перенесли сравнительно спокойно.

В ночь на семнадцатое февраля раздался стук в двери дома. На лестнице стояло пятеро неизвестных. Они пришли, чтобы совершить «кид-нэппинг» на «законной» основе: похитить детей Розенбергов.

Опекуны решительно воспротивились этому. Агентам ФБР пришлось отложить операцию на утро. Всю ночь полицейские автомашины дежурили у дома. Двое агентов спали на лестнице. Утром они силой увезли Майкла и Роберта. Все было проделано так, чтобы не было лишних свидетелей.

Под давлением общественного мнения американский суд вынужден был отдать похищенных детей бабушке. Но «опекуном» их стал еще и... некий Кеннет Джонсон, представитель так называемого «департамента социального обеспечения». В его власти и находится фактически судьба Майкла и Робби.

От прогрессивных людей всех стран зависит теперь спасти этих двух ни в чем не повинных детей от новых преследований, показать им, что мир на самом деле населен честными, добрыми людьми, желающими, чтобы жизнь была прекрасна для всех.

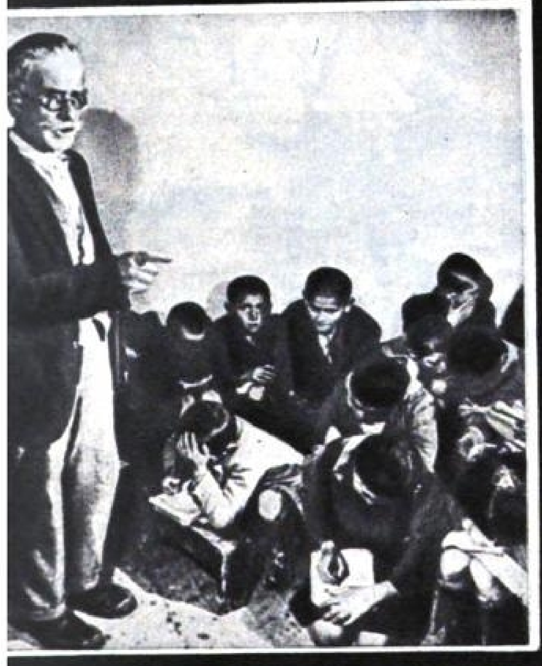
В. ПОЗНЭР

Сокращенный перевод с французского.

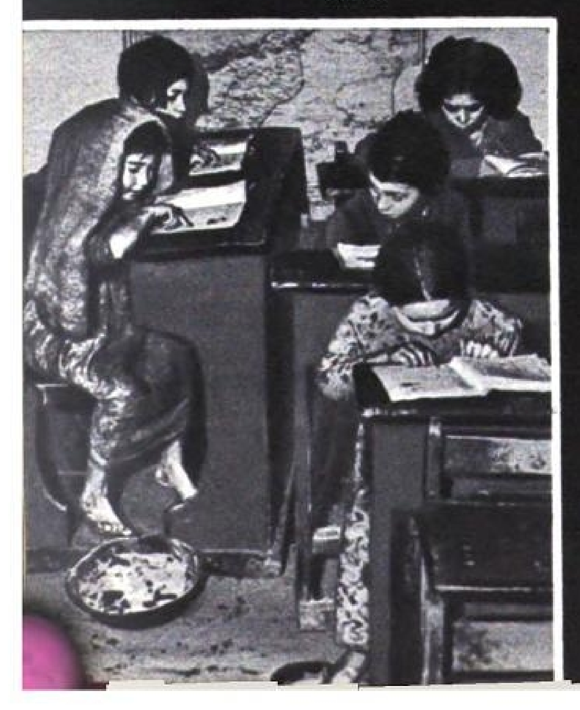
Немногочисленные начальные школы в Англо-Египетском Судане лишены самого элементарного оборудования.

БЕЗРАДОСТНЫЕ ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Семидесятилетнему греческому учителю Василиосу Марстидесу приходится заниматься со своими питомцами в жалкой лачуге. Такие «школы» не редкость в Греции.

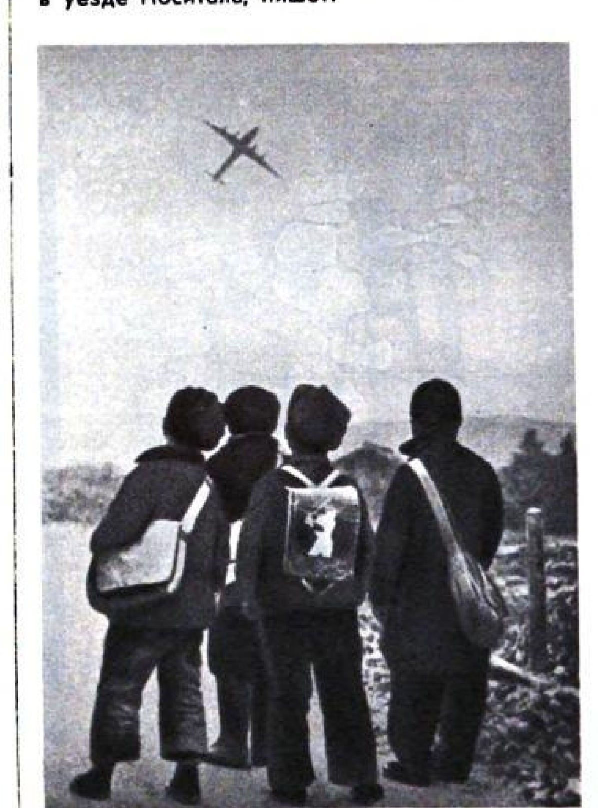
Дети итальянских бедняков учатся в холодных, обветшалых классах, зимой согревая ноги над жаровнями.

Слово маленьких японцев

Перед нами — книга «Дети баз», вышедшая недавно в Японии. Ее составители, люди далеко не левых взглядов, собрали около 1 300 писем японских ребят, школы которых находятся в районах расположения американских баз. Часть этих писем опубликована в книге. Безыскусные строки, начертанные неуверенной рукой ребенка, свидетельствуют о том, на какую тяжкую, беспросветную жизнь обрекает японских детей американский оккупационный режим.

Хаманака Сэцуко, ученица начальной школы в уезде Носитала, пишет:

Над головами японских детей непрестанно гудят американские самолеты.

«Я увидела, как на мосту Отиай три американца заставили маленькую девочку сесть на землю. Они хотели сфотографировать ее. Девочка испугалась и заплакала. Подошла женщина и хотела ее взять. Тогда они стали бить женщину кулаками по голове. Я очень испугалась, а когда вернулась домой, страшно обиделась и разозлилась на этих американцев».

Совершенно невыносимо существование детей, проживающих в непосредственной близости к американским военным базам (число этих баз перевалило уже за восемьсот). С недетской горечью звучат слова ученика средней школы Сато Сусуму: «Мы — дети баз. Потому что вся Япония теперь — огромная военная база...»

«Во время занятий,— пишет школьник из Татикава,— над нами все время пролетают самолеты. Они летят так низко, что кажется, от грохота моторов вот-вот обрушится крыша. Учитель перестает объяснять, ученики тоже умолкают. У нас со второго этажа школы виден американский аэродром, рядом с ним горит огромная вывеска кабаре, а дальше тянутся поля и полуразрушенные домишки».

Еще одна девочка дополняет «пейзаж» Татикава:

«Во время урока я выглянула в окно и увидела, что американский грузовик едет прямо по засеянному полю и давит драгоценные ростки риса... Нам говорили, что Япония стала независимой. Но у нас этого что-то не видно. Когда же не станет этих машин и солдат!»

В книге «Дети баз» можно прочесть и о более страшных вещах. Десятки японских детей гибнут на американских полигонах. Их убивают и калечат американские автомашины, мчащиеся с дикой скоростью по дорогам Японии.

Эти дети живут вблизи одной из американских баз.

Перевернем еще одну страницу.

«Не могу уже много ночей уснуть от грохота пушек,— пишет восьмилетняя девочка.— Днем прихожу в школу и сразу засыпаю в классе. Учитель мне сделал однажды замечание. А школьный врач сказал: «У нее развилась нервная болезнь из-за того, что идет стрельба...»

А вот еще письмо, написанное рукой Като Капуко, школьницы из деревни Тодзава:

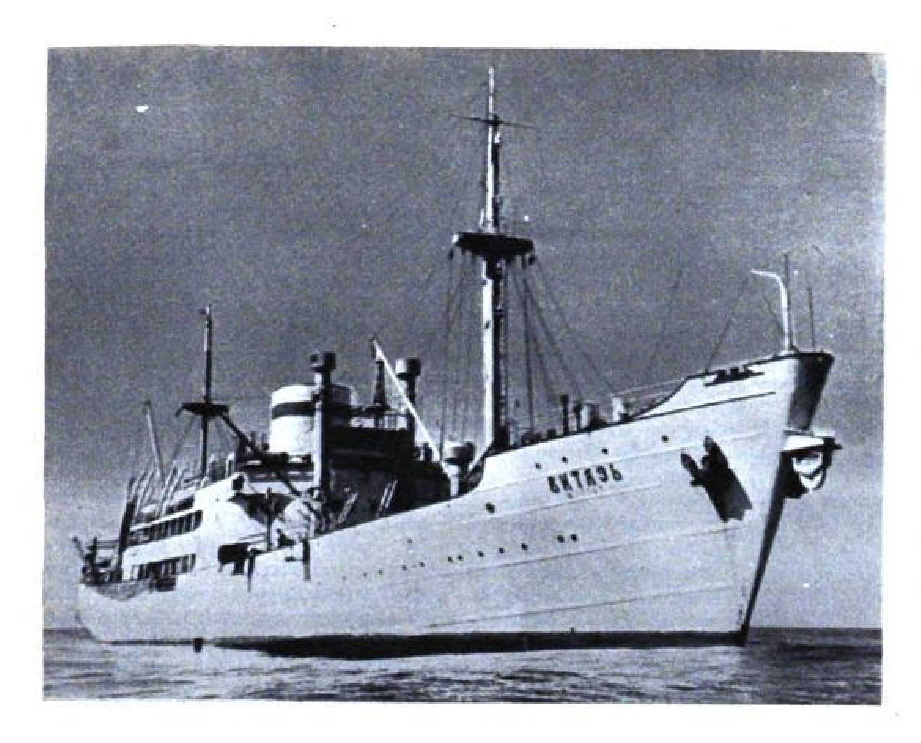
«Сегодня ровно год, как погиб мой младший брат, Кэндзо. В тот день мы пошли в горы собирать осколки от снарядов. Было воскресенье, а в воскресенье американцы не стреляют. За осколки старьевщик дает тетради и карандаши... Вдруг Кэндзо крикнул: «Нашел, нашел!» В руках он держал что-то похожее на маленькое ружье. Мы все окружили Кэндзо. Сатико сказала: «Посмотри, там шнурок торчит». Брат дернул за него. Вспыхнул огонь, в ушах у меня зазвенело, и я упала... Когда я открыла глаза, брат лежал в луже крови. Сбоку от него лежала Сатико... Сегодня мы посадили цветы на могиле Кэндзо. Ненавижу я эти снаряды и американцев».

Можно было бы привести еще десятки детских писем, вошедших в книгу «Дети баз». Эта книга клеймит позором американских оккупантов в Японии. Она показывает современную Японию глазами детей.

Б. РАСКИН

Нередко снаряды залетают далеко за пределы американских полигонов.

СНОВА В ОКЕАНЕ

По многовековой традиции мореплавателей на всех флотах существует своеобразная родословная кораблей. Дерево и металл, парус и машина не вечны; старое судно отживает свой век, и его имя присваивают другому, новому кораблю, поднимающему флаг родины.

В конце прошлого века в Тихом океане на корвете «Витязь» работала океанографическая экспедиция флотоводца и ученого адмирала С. О. Макарова. Изданная Российской Академией наук книга Макарова «Витязь» и Тихий океан» стала классическим трудом по океанографии. Имя русского адмирала и силуэт его корабля красуются в почетном списке первооткрывателей на здании океанографического института в Монако.

Ныне воды Тихого океана бороздит новый «Витязь» — под красным флагом СССР. Экспедиционное судно Института океанологии Академии наук СССР само является пловучим институтом. На борту его вместе с матросами, машинистами, штурманами плавают гидрологи, гидробиологи, геологи, химики, ихтиологи.

Далеко за кормой «Витязя» осталась бухта Золотой Рог, причалы Владивостока. Но вот дана команда стать на глубоководный якорь. С барабанов лебедки разматывается стальной трос. Пятьсот метров... девятьсот, пять километров... восемь, десять... Барабаны лебедки крутятся долго, пока глубоко под водой лапы якоря не зацепятся за грунт.

Затем другие электролебедки опускают за борт дночерпатель, и скоро на палубу поднимаются из глубин песок, ил, галька — образцы донных отложений. Ученых интересуют и недра океанского дна. Грунтовые трубки, опущенные в воду на километры, вонзаются вглубь дна на десятки метров, добывая образцы подводных недр.

Когда «Витязь», застопорив машины, ложится в дрейф, на тросе длиной двадцать с лишним километров спускают глубоководный трал. Широко раскрытая сеть его медленно ползет по дну, загребая рачков, моллюсков, червей.

За борт опускаются глубоководные планктонные сети. Ими вылавливают планктон — по большей части мельчайшие организмы, обитающие в толще воды, служащие пищей рыбам и животным.

Пройдем в каюты, и перед нами откроется одна за другой множество лабораторий. Мы увидим здесь биологов, ихтиологов, препарирующих рыб; химиков, занятых анализами морской воды; геологов, сортирующих грунты. Шестьдесят научных сотрудников участвуют в каждом рейсе «Витязя». Все добытое из морской пучины обрабатывается, исследуется тут же, на борту корабля.

В Тихом океане часто бывают штормы, и каждый рейс «Витязя», продолжающийся 2—3 месяца, требует от ученых хорошей морской закалки. Трудно работать на палубе, захлестываемой волнами, уходящей из-под ног. Но зато как приятно бывает отогреться, отдохнуть в тепле просторной каюты, а потом посмотреть кинофильм, сразиться в шахматы, побалагурить с товарищами за столом!

Дружеские, задушевные беседы идут в кают-компании в часы досуга. Ветераны советской океанологии рассказывают молодежи много интересного. Член-корреспондент Академии наук СССР Лев Александрович Зенкевич и профессор Семен Владимирович Бруевич вспоминают, как в первые годы Советской власти создавался по ленинскому декрету Пловучий Морской Научный Институт. Рассказы старших внимательно слушает молодежь: геологи Глеб Удинцев и Александр Лисицын, гидробиолог Нина Виноградова... Для них, вчерашних студентов, экспедиция на «Витязе» — первая ступень широкой и многообразной научной деятельности.

Походы «Витязя» за последние годы обогатили науку важными сведениями. Курильскую впадину, впервые обнаруженную русскими моряками около столетия назад, теперь называют Курило-Камчатской. Советские океанологи точно определили ее очертания и размеры. Гигантский желоб шириной четыре—пять километров тянется на две тысячи километров от японского острова Хоккайдо до Командорских островов, параллельно Курильской гряде и Камчатке. Максимальная глубина Курило-Камчатской впадины достигает 10 382 метров, а не 8 512 метров, как принято было считать до последнего времени.

Вместе с другими впадинами северо-западной части Тихого океана Курило-Камчатская впадина образует непрерывную глубоководную цепь от Аляски до Молуккских островов. В этом районе часто бывают сильные землетрясения на суше и под водой. Интересно, что в 1923 году, после землетрясения у берегов Японии, глубины залива Сагами возросли местами на несколько сот метров.

Геологи «Витязя» во главе с доктором геолого-минералогических наук П. Л. Безруковым доказали, что параллельно островам Большой Курильской гряды в океане тянется подводный хребет, южная часть которого выходит на поверхность моря в виде островов Малой Курильской гряды. Установлено, что южная часть Охотского моря и Берингова моря по своему геологическому возрасту значительно древнее Японского. В Охотском море между северной мелководной и южной глубоководной частями обнаружена гряда подводных возвышенностей, а между ними впадины. Подводные возвышенности найдены и в глубоководной части Японского моря. В Беринговом море между мысом Олюторским и Алеутскими островами открыт подводный хребет.

Советские океанологи опровергли мнение зарубежных ученых о том, что в океане на глубинах свыше шести с половиной тысяч метров нет жизни. С глубин восьми и более километров профессор Л. А. Зенкевич и его сотрудники добыли много различных живых существ, большинство из них оказались белого цвета. Очевидно, ввиду отсутствия света на больших глубинах окраска животных оказывается ненужной. Доказано, что с увеличением глубин океана здесь резко сокращается разнообразие и количество живых существ. Исследовав пищевой баланс океана, советские гидробиологи открыли пути, по которым пища поступает из верхних слоев воды в нижние.

Профессор Т. С. Расс и другие ихтиологи «Витязя» обнаружили в Курило-Камчатской впадине ранее не известных науке рыб. Рыбы эти обладают светящимися органами, телескопическими глазами, удлиненными придатками и другими особенностями организма, связанными с жизнью на больших глубинах.

Установлено, что Берингово море, сообщающееся с Тихим океаном широкими проливами, гораздо богаче обитателями, нежели Охотское и Японское моря, более изолированные от океана.

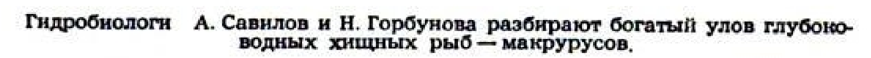
Открытия, сделанные экспедициями на «Витязе», крайне ценны для мореплавания, для рыбного промысла.

Ив. СИДОРОВ

Фото участника экспедиции геолога Н. ЗЕНКЕВИЧА.

На палубу поднимается большая планктонная сеть.

Гидробиологи А. Савилов и Н. Горбунова разбирают богатый улов глубоководных хищных рыб — макрурусов.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Творчество Александра Куприна

Александр Куприн — один из самых талантливых русских писателей последнего двадцатипятилетия перед Октябрьской революцией. Трудно было писать и быть замеченным в то время, когда в литературе сверкали одновременно три таких гиганта, как Лев Толстой, Чехов и Горький. Однако русский читатель не только заметил Куприна, но и крепко его полюбил. Природа одарила Куприна всеми качествами художника-реалиста: беспокойным умом, острым глазом, способностью в частном открывать общее, наконец, умением создавать человеческие характеры. В большинстве случаев Куприн брал острые темы, ставил большие проблемы, хотя справедливость требует отметить, что не всегда ему удавалось эти проблемы верно решить: художник всегда перевешивал в Куприне мыслителя. Начиная со знаменитого «Поединка», так высоко оцененного Горьким, и кончая спорной во всех отношениях «Ямой», каждое новое произведение Куприна непременно являлось большим литературным событием и возбуждало в русском обществе жаркие споры. Незадолго до первой мировой войны в большом тираже вышло полное собрание сочинений Куприна, и он на короткое время стал, что называется, «властителем дум». Куприным зачитывались. В особенности молодежь.

Не говоря уже о «Поединке», я помню, какое громадное впечатление произвел его «Молох» — небольшая по размеру повесть, где писатель с потрясающей силой нарисовал звериный лик капитализма, обобщив все его черты в образе дельца Квашнина. Это поистине страшная и омерзительная фигура хищника, «пожирающего» людей и превращающего пот и кровь рабочих в золото. Действие повести происходит на гигантском металлургическом заводе, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что впервые в нашей литературе появилось такое яркое и новое для России того времени изображение индустриального пейзажа, написанного могучей и мрачной кистью художника-разоблачителя.

К сожалению, в позднейших своих произведениях Куприн не удержался на такой идейной высоте, хотя большинство из них демократичны и прогрессивны. Будучи настоящим, большим художником, Куприн, конечно, стоял в оппозиции к царскому правительству. Он разоблачал либеральную буржуазию. Он боролся со взяточниками, казнокрадами, доносчиками; боролся с пережитками крепостничества, с бюрократизмом. В некоторых рассказах, как, например, «Попрыгунья-стрекоза» и «Черная молния», он беспощадно разоблачал мелкобуржуазную сущность либеральной интеллигенции и предсказывал грядущую революцию. В этом смысле он был писателем во всех отношениях передовым. Однако он не был революционером. Вся позитивная часть его произведений нигде не поднимается выше общепринятой в то время христианской морали. Куприн хотя и продолжает до известной степени линию Толстого и Чехова, но не доходит до уровня Горького, который строил свои произведения на совершенно другой идейной основе. Одним словом, Куприн более принадлежал прошлому, чем будущему. И все же благодаря своему громадному таланту Куприн создал целый ряд поистине классических произведений. Такие вещи, как, например, «Листригоны», «Гамбринус», «Ночная смена», «Гранатовый браслет», «Олеся», были и навсегда останутся подлинными жемчужинами русской художественной литературы.

А. И. Куприн.

Куприн не понял Октябрьской революции и провел в эмиграции около двадцати лет. Если не считать прелестных отрывков из романа «Юнкера», годы эмиграции прошли для его творчества бесплодно, как, впрочем, и для всех русских писателей, оторвавшихся от Родины. И в этом величайшая трагедия Куприна. Сколько бы он мог написать замечательных произведений, если бы остался на Родине!

Куприн был слишком русским и слишком патриотом для того, чтобы примириться с положением эмигранта. В 1937 году он, уже старый и больной, все-таки нашел мужество сознаться в своей роковой ошибке и вернулся в Советский Союз.

Раньше я не был знаком с Куприным. Я пришел к нему в гостиницу «Метрополь» вскоре после его возвращения на Родину. Я увидел маленького старичка в очках с увеличительными стеклами, в котором не без труда узнал Куприна, известного по фотографиям и портретам. Он уже плохо видел и с трудом нашел своей рукой мою руку. Трудно забыть выражение его лица, немного смущенного, озаренного слабой, трогательной улыбкой. Из-за толстых стекол очков смотрели очень внимательные глаза больного человека, силящегося проникнуть в суть окружающего. Это же выражение напряженного, доброжелательного удивления не покидало лицо Куприна все время, пока мы сидели на открытой веранде «Метрополя», а потом гуляли по центральным улицам Москвы — советской Москвы! — такой нарядной, веселой и деловитой в этот яркий осенний день, полный солнца и цветов.

С жадным любопытством всматривался Куприн в черты нового мира, окружавшего его. Медленно переступая ногами и держась за мой рукав, Александр Иванович то и дело останавливался, осматривался и шел дальше с мягкой улыбкой на лице, как бы одновременно и встречаясь и навеки прощаясь со своей утраченной и вновь обретенной Родиной. Через год он умер...

И вот теперь на моем столе лежат три томика его сочинений, говорящих о том, что Куприн окончательно и навсегда вернулся на Родину, к своему народу, который он так любил и который отвечал ему полной взаимностью.

Несколько слов о самом издании. Издание в общем хорошее, но, к сожалению, слишком мал тираж. Для Куприна 75 тысяч экземпляров — это слишком мало. Затем о содержании. К сожалению, составители трехтомника недостаточно тщательно отобрали материал. Включено много неинтересных и в какой-то мере не типичных для Куприна произведений. Для чего нужно было печатать ничтожные «Фиалки» и несколько подобных им сентиментальных пустяков? Почему нет знаменитого «Штабс-капитана Рыбникова» — одного из самых лучших рассказов Куприна? Короче говоря, для трехтомника нужно было подобрать самое лучшее с тем, чтобы советский читатель получил действительно избранного Куприна. И не пора ли уже подумать о полном собрании сочинений этого чудесного писателя?

Валентин КАТАЕВ

А. И. Куприн. Сочинения в трех томах. Вступительная статья И. В. Корецкой. Гослитиздат. М. 1953.

Судьба Куак Ба Ви

У романа Ли Ги Ена «Земля» завидная судьба. Этот роман стал одним из наиболее популярных произведений корейской литературы. Опубликованный на страницах газеты «Минчжу чосён», он проник в отдаленные уголки страны. По нему учились грамоте, учились и учатся жизни. Горьковские традиции, плодотворный опыт советской литературы осмыслен и творчески воспринят автором романа. С любовью к человеку-труженику, с верой в его огромные духовные силы, с думой о его путях и перепутьях рисует Ли Ги Ен жизнь корейской деревни после освобождения от ига японских оккупантов.

Батрак Куак Ба Ви — забитое существо. Он и женится не по любви, а по той счастливой случайности, что в соседней деревне у таких же бедняков, как он, выросла девушка и родители ее не очень разборчивы в выборе жениха. Ли Ги Ен неторопливо выписывает образ этого трудолюбивого человека, с его любовью к земле, с его мечтой вырваться из беспросветной нужды.

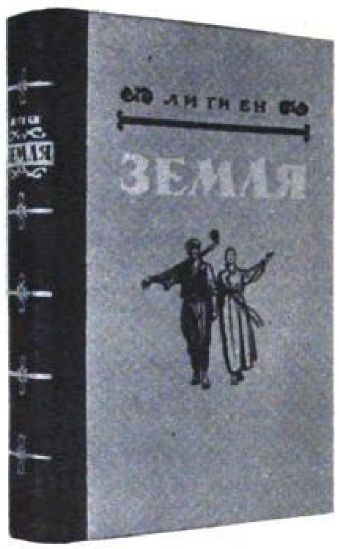
В молодости Ли Ги Ен пешком обошел весь юг Кореи, в зрелые годы подвергался преследованиям оккупантов за свою литературную деятельность, сидел в тюрьме, скрывался в деревне. Знание жизни народа, с которым он разделил и горе и радость, позволило ему с большой искренностью рассказать о судьбе крестьянина-батрака.

Судьба Куак Ба Ви тесно переплелась с судьбою самой страны. Освобождение Кореи раскрепостило и Куак Ба Ви. И дело здесь не только в том, что он получил надел земли. Куак Ба Ви стал человеком, он испытал радость творчества, ощутил в себе силы, о существовании которых прежде и не подозревал.

Особое место занимает в романе история отношений Куак Ба Ви и одинокой женщины, недавно пережившей тяжелую личную драму, Сун Ок. В недаленом прошлом Куак Ба Ви отсидел шесть лет в японской тюрьме. За это время умерла его мать, вышла за другого замуж жена. Робко, неуверенно идут навстречу друг другу Куак Ба Ви и Сун Ок. Нужно время, чтобы они окончательно поверили в свое право любить. Растущее в них чувство красноречивее многого другого говорит об их духовном раскрепощении, о росте личности, сбрасывающей с себя путы гнета и феодальных предрассудков.

В романе много персонажей, и не все они в равной мере удались Ли Ги Ену. Известная прямолинейность чувствуется в изображении помещиков. Снижают художественное достоинство книги и назидательность некоторых эпизодов, риторизм авторских отступлений. Ли Ги Ен стремился вместить в рамки романа многие существенные черты становления нового, и это порой нарушает цельность повествования.

Для советского читателя роман «Земля» имеет большое познавательное значение. Писатель изображает различные стороны быта корейских крестьян, их обычаи, нравы и представления.

Ли Ги Ен часто вводит в роман бытующие в народе рассказы о богатых и бедных, сказки, шутки.

Книга помогает понять истоки героизма, проявленного корейским народом в борьбе за свою независимость. Миллионы бесправных и забитых в прошлом, подобно Куак Ба Ви, людей, впервые ощутивших радость свободного труда, сумели с оружием в руках постоять за себя, за народно-демократический строй.

И. КРАМОВ

ЛИ ГИ ЕН. Земля. Издательство иностранной литературы. 1953. 488 стр.

Т. Н. Яблонская.— ДОМА ЗА КНИГОЙ.

Т. Н. Яблонская.— ЛЕТОМ.

Т. Н. Яблонская.— СЛУШАЯ СКАЗКУ.

А. А. Шовкуненко.— ДУБЫ.

. А. Шовкуненко.— ПЕРВЫЙ СНЕГ.

. А. Шовкуненко.— РАЗЛИВ.

Дело одного человека

Василий АРДАМАТСКИЙ

Рисунок В. Высоцкого.

1

Рабочий день окончился. Секретарь райкома партии Иван Ильич Рожков открыл ящики стола, чтобы отобрать материалы, над которыми он собирался вечером поработать дома. За дверью послышались голоса: робкий мужской и женский резкий, въедливый. Дверь открылась, и в кабинет вошла сторожиха Ольга Ивановна, а за ней незнакомый Ивану Ильичу старик в потертой поддевке. Ольга Ивановна, бесцеремонно тыча пальцем, кричала:

— Где это видано, ломиться, когда рабочий день вышел?!

— Ольга Ивановна, не шумите,— остановил ее Иван Ильич.— Я приму товарища.

Посетитель, продолжая стоять у дверей, засунул в карман пыжиковую шапку и большим платком обтер усы и остренькую белую бородку. Во всем его облике, начиная с поддевки, было что-то старомодное.

— Что у вас, товарищ? Проходите, садитесь.

Посетитель маленькими шажками приблизился к столу и, церемонно склоняясь, произнес:

— Прежде всего разрешите представиться: бывший преподаватель местного городского училища, а затем десятилетки имени Серафимовича Викентий Леонидович Изюмский. В настоящее время состою на пенсии...— Голос у него был ровный, ясный.

— Рад познакомиться. — Рожков встал и протянул руку.— Садитесь. Я слушаю вас.

— Вот...— Старик протянул Ивану Ильичу районную газету.— Ознакомьтесь, пожалуйста. Там отчеркнуто...

Иван Ильич быстро пробежал глазами заметку, аккуратно обведенную синим карандашом. В ней говорилось о том, как райсобес, не проверив данных, поддержал ходатайство об установлении персональной пенсии некоему Изюмскому, который во время фашистской оккупации вел себя не так, как следовало бы.

— Это клевета, товарищ Рожков! — сорвавшимся от волнения голосом воскликнул старик, когда Иван Ильич отложил газету.

— Вы принесли заявление? — спросил он.

— Нет... заявление я еще не написал,— растерянно пробормотал старик.— Но это клевета, можете мне поверить. Я расскажу вам о себе. Я просто не мог...

— Боюсь, что разговора у нас сейчас не получится,— перебил его Иван Ильич.— У меня нет основания не верить газете и нет основания не верить вам. Такой разговор надо вести, опираясь на факты. Давайте лучше вернемся к этому завтра, когда и у вас и у меня в руках будут документы.

— Хорошо, хорошо, я понимаю, — заторопился старик.— Я все изложу на бумаге. Но вот где мне взять документы? В те черные времена мне как-то не приходило в голову запасаться документами...

Иван Ильич не уловил горечи в последней фразе посетителя и сухо сказал:

— Вот так. До завтра.

Изюмский вежливо попрощался и ушел.

По давно выработанной привычке немедленно делать то, что можно сделать в эту минуту, Иван Ильич позвонил редактору газеты.

— Ты что же это печатаешь непроверенный материал?

— Что именно? — настороженно спросил редактор.

— Тебе знать лучше. Про собес писал?

— Писал,— медленно произнес редактор, видимо, припоминая, что было напечатано в его газете.

— Факты проверил?

— Как же, у меня собран весь материал.

— А ну, покажи. У меня только что был Изюмский.

— Хорошо.

Редактор пришел на квартиру Рожкова через час.

— Так вот оно, дело о собесе,— сказал он и положил на стол пухлую папку.

— Прежде всего, кто писал заметку? — спросил Иван Ильич.

— Ты же читал: Васильев.

— Автор надежный? Кто это?

— Человек из нашего актива. Ты его знаешь. Но подписана заметка псевдонимом.

— Вот оно что! А все же кто он, этот твой псевдоним?

— Это редакционная тайна, Иван Ильич,— сухо ответил редактор.

— Тайна так тайна. Покажи, что можно. И на том спасибо,— Иван Ильич, усмехаясь, протянул руку за папкой.

— Там абсолютно весь материал, и ты зря меня подковыриваешь. Но раскрыть псевдоним я не имею права...

— Ладно, ладно... Что тут у тебя об Изюмском?

Редактор быстро вынул из папки бумажку.

— Вот. Справка директора школы, члена партии Смирнова о том, что Изюмский, когда город захватили фашисты, одним из первых пошел к ним наниматься.

Иван Ильич прочитал справку.

— А откуда это ему известно?

— В те времена Смирнов ведь тоже находился в городе. Он был тогда рядовым учителем. Так Изюмский агитировал и его идти работать.

— Это тебе говорил сам Смирнов?

— Он рассказал это секретарю редакции Клочкову. Вот запись разговора.

— Хорошо. Достаточно! — сказал Иван Ильич, прочитав запись.

Иван Ильич предложил редактору вместе с ним поужинать, но тот отказался, сославшись на то, что надо выпускать газету.

2

На другой день Изюмский снова пришел к Ивану Ильичу.

— Вот заявление.— Старик протянул аккуратно сложенный большой лист бумаги.

Все заявление оказалось в две строки:

«Сим прошу опровергнуть клевету, возведенную на меня районной газетой в номере от 20 ноября сего года».

— Так вот просто опровергнуть — и все? — Иван Ильич насмешливо посмотрел на старика и с подчеркнутым неуважением бросил заявление на край стола.

— Ну, конечно, опровергнуть. Больше мне ничего и не надо.

— А опровергнуть факты не так-то просто.

— В том случае, когда факты — действительно факты.

— Не будем вести абстрактного спора. Вы пожелали ознакомиться с документами редакции. Извольте. Эти документы утверждают, что когда в наш город пришли оккупанты, вы первый ринулись к ним наниматься. Это факты или вранье?

— Факты,— мгновенно ответил Изюмский.

— Чего же вы после этого хотите от меня?

— Я хочу... нет, я требую снять с меня клеветническое обвинение.— Старик произнес это тихим голосом, разделяя каждое слово легкими ударами ладони о стол.

— Было это или не было, гражданин Изюмский? — крикнул Иван Ильич.

— Было.

— А раз было, разговаривать нам не о чем. Персональные пенсии за такие подвиги не даются.

— Подождите, подождите!— Старик протестующе поднял руку.— Разве не бывает обстоятельств, когда человек... Почему вы не хотите узнать причину, побудившую меня, как вы говорите, наниматься к оккупантам?

— Ну, интересно, что же это за причина?

— Я подумал, что оккупантам быть у нас не вечно, но для детей потеря даже одного школьного года — большая беда. Вот я и решил: мой предмет, так сказать, беспартийный — русская грамматика.

— Беспартийный предмет, — усмехнулся Иван Ильич.— Так... Ну и что же было дальше?

— Я всего четыре раза побывал в школе, и тут же она была закрыта.

— Ах, нехорошие господа оккупанты: они не поняли вас! Подведем, как говорится, итог...— Иван Ильич в упор смотрел на старика.— Оставляя на вашей совести странные рассуждения о беспартийности русской грамматики, мы знаем одно: вы пошли работать к оккупантам.

Изюмский тяжело поднялся со стула. Несколько секунд он постоял, низко опустив голову, потом пробормотал что-то себе под нос и направился к двери...

Иван Ильич позвонил редактору по телефону:

— Привет первопечатнику нашего города! Сейчас я перешлю тебе твои документы... Все в порядке. Сам зайдешь? Тем лучше...

Скоро явился редактор. Хотя Рожков и сказал ему, что все в порядке, у него было основание торопиться узнать подробности: утром в редакцию поступило коллективное письмо старых педагогов. Ссылаясь на почти полувековое знакомство с Изюмским, они резко протестовали против клеветнической заметки в районной газете. В конце письма была приписка о том, что копия его отправлена в областную газету. Но самое неприятное заключалось в том, что среди подписей педагогов была и фамилия директора десятилетки Смирнова, того самого, который подписал главный «обвинительный документ».

— Ну, когда ставишь на бюро вопрос о газете? — здороваясь с Рожковым, с деланым оживлением спросил редактор.

— Что ж, обсуждать нечего: был у меня твой герой. Все полностью признал...

Из райкома редактор вышел, думая об Изюмском. Редактор был влюблен в свое боевое журналистское дело. Окончив институт, он попросился в районную газету. Газетную жизнь, говорил он тогда, надо начинать с «первого курса». Но учился он на жизненном поприще гораздо хуже, чем на институтской скамье. Любое новое для него сложное явление жизни он старался «подогнать» под готовые книжные понятия. Незаметно им овладела мысль, что он должен делать хорошую газету для того, чтобы получить возможность вырваться из тесного районного бытия. Пуще смерти он стал бояться газетных ошибок.

И вот надо же случиться такому! Он уберег себя от многих, как казалось ему, серьезных ошибок и вдруг сорвался на ерундовой заметке о каком-то пенсионере. Да, он уже знал, что ошибка совершена, но он и не помышлял о том, чтобы ее признать и исправить; все его думы сводились к одному: как эту историю замять...

3

Февраль выдался злой — с морозами и метелями. Но в райкоме партии все чаще произносилось теплое слово «весна». В прошлом году район занял второе место по области, и упускать его никто не хотел. Забыв обо всем на свете, Иван Ильич занимался подготовкой к весеннему севу. Как-то поздней ночью возвращался он из поездки по колхозам. Машина шла медленно, в свете фар крутилась снежная карусель.

К райкому добрались только в четвертом часу утра. В кабинете на столе лежала оставленная дежурным записка.

Иван Ильич прочитал:

«Директор МТС жалуется на задержку запчастей.

Заболел заведующий радиоузлом. Сегодня местной радиопередачи не было.

Хлебозавод просит докладчика о международном положении.

Звонили из обкома по поводу какого-то Изюмского...»

«Опять этот Изюмский! — подумал Иван Ильич.— Неужели с этим делом что-то не так, как надо?..»

Иван Ильич взял телефонную трубку.

— Соедините меня с редактором газеты... Давайте квартиру. Здорово! Рожков говорит. Я тебя разбудил? Ну извини, я опять насчет того пенсионера Изюмского. Не ошиблись ли мы тогда с тобой?

— Если и ошиблись, то не только мы с тобой,— уклонился от прямого ответа редактор.— К нам приезжал инструктор отдела писем областной газеты, проводил здесь тщательную проверку дела Изюмского и присоединился к нашим выводам.

— Проверял, говоришь, тщательно?

— Будь покоен, у них это дело поставлено крепко: слову веры нет, давай документы.

— Ну, ладно. Еще раз извини за поздний звонок. Впрочем, не столько поздний, сколько ранний. Спи.

Разговор несколько успокоил Ивана Ильича. Но редактор снова не сказал ему всей правды: ни того, что инструктору областной газеты были подсунуты все те же документы, ни того, что этот инструктор оказался вообще человеком ленивым и неумным; он даже не счел, например, нужным поговорить с директором школы Смирновым. Впрочем, и редактор сделал все, чтобы этот разговор не состоялся...

4

Вскоре в город приехал инструктор обкома партии Шевырев. Иван Ильич, как и все партийные работники области, хорошо знал этого человека, уже более двадцати лет работавшего в аппарате обкома. За ним ходило прозвище «вечный инструктор». Последние годы Шевыреву поручали главным образом расследование личных дел.

Встретив Шевырева в коридоре райкома, Иван Ильич схватил его за плечи и, смеясь, сказал:

— Смотрите, кто к нам пожаловал! Специалиста по делам персональным тоже махнули на посевную?

— Я приехал не сеять,— медленно произнес Шевырев и скупо улыбнулся.— Как раз шел я к тебе. Можешь уделить минут десять?

— Идем, идем, найдется и побольше времени...

В кабинете, садясь за стол, Иван Ильич по привычке взглянул на листок настольного календаря. Опять, черт побери, не успеваю съездить в ремонтные мастерские!

Шевырев вытащил из своего потрепанного портфеля пачку бумаг, разыскал какой-то листок, прочитал его, аккуратно положил сверху и прижал рукой.

— Дело, Иван Ильич, больно нехорошее,— сказал он наконец после томительного молчания.— И сам ты выглядишь в нем некрасиво. Речь идет о клевете на пенсионера Изюмского... Знаешь такого?

— Еще бы! А вот о том, что он оклеветан, первый раз слышу. Впрочем, нет, второй. Первый раз я это услышал от него самого. А только вот в этом самом кабинете он признал все факты.

— Об этом твоем разговоре с ним я знаю. Моя задача сейчас — помочь тебе разобраться в этой истории.

— Да что в ней разбираться! — вскипел Иван Ильич. — Все же ясно, как божий день.

— Допустим. А вот знаешь ли ты, почему Изюмский два года назад ушел из школы на пенсию?

— Нет, не знаю.— Иван Ильич смотрел в окно, будто видел там что-то гораздо более важное, чем то, о чем говорил Шевырев.— Вот о том, что в районе тревожно с севом,— это знаю.

— Он ушел из школы потому,— спокойно продолжал Шевырев,— что однажды выступил на педсовете против директора школы и предъявил ему серьезные обвинения. Но никто тогда честного старика не поддержал.

— Корнеева мы из школы убрали,— сказал Иван Ильич.

— Правильно. Но только через год после выступления Изюмского на педсовете. А за этот год Корнеев сумел выкурить его. Это раз. А затем вы направили Корнеева заместителем заведующего райсобесом. Верно? Так что, когда Изюмский возбудил ходатайство о полагающейся ему по закону персональной пенсии, он снова попал в руки Корнеева. А это очень плохой человек. Карьерист, пьяница. Я беседовал с ним. И заметку в вашей газете писал он.

— Допустим. Ну, а новый директор школы Смирнов — тоже плохой человек? — раздраженно спросил Иван Ильич.

— Ты имеешь в виду справку, которую он дал газете? Смирнов, чтобы ты знал, хотел написать совсем не такую справку, он хотел сказать в ней о том, что Изюмский — честный, заслуженный человек, и о том, как объяснял Изюмский свое решение идти во время оккупации работать в школу. Да только вашу редакцию такая справка не устраивала. Смирнова попросили написать лишь о самом факте найма к оккупантам.

— Не пойму, зачем это редактору нужно было меня обманывать?

— Все очень просто. Твой редактор позаботился о «чести мундира». Оберег, бедняга, себя от неприятностей. А ты ему помог. Вольно или невольно? Скорей, вольно. Тебе-то никто не мешал вникнуть в эту историю? Узнать, например, что сын Изюмского — полковник Советской Армии — погиб под Сталинградом. И что оккупанты, когда прослышали об этом, таскали старика в гестапо. Били его...

Иван Ильич молчал. Шевырев начал укладывать бумажки в портфель.

— Ну что ж,— Иван Ильич попытался улыбнуться.— Вот теперь, пожалуй, действительно все ясно. Мне нужно писать объяснение?..

5

Иван Ильич шел обочиной дороги. Мимо проносились грузовики. Но он ничего не замечал. Метрах в ста позади на самой малой скорости двигалась райкомовская «Победа».

Конечно, было обидно: работать, не щадя сил, — и вдруг получить

выговор от бюро обкома. И за что? За ошибку при разборе дела одного человека, да еще когда основной виновник не он, а редактор газеты.

Там, на бюро, эта обида заставляла бешено колотиться сердце, мешала спокойно говорить, а теперь она постепенно затихала. Сам Иван Ильич не раз выносил коммунистам выговоры. «Нет, нет, товарищ Рожков, все правильно, все правильно»,— произносил он вслух, думая при этом, что справедливо получил выговор и он сам.

У Ивана Ильича было такое правило: сразу после бюро побеседовать с коммунистом, который получил взыскание. Многое можно узнать о человеке по тому, как отнесся он к только что им пережитому. Иван Ильич улыбнулся, вспомнив, что и секретарь обкома Некрасов тоже сразу после заседания попросил его остаться, и они целый час разговаривали о всяких важных делах. И только в конце разговора Некрасов спросил:

— Ну как, не жмет?

— Что не жмет? — не понял Иван Ильич.

— Выговор.

Иван Ильич невесело усмехнулся:

— С непривычки пожимает малость.

— Все мы, работая, проходим очень строгую науку,— уже серьезно сказал Некрасов.— Вот сейчас на бюро я слушал твое дело и вдруг вспомнил, как я на прошлой неделе отмахнулся от одной довольно пустяковой жалобы. И еще на заседании я запросил к себе эту жалобу вторично. Выходит, твоя ошибка — урок и для меня. Верно?

— По-моему, с редактором вы неправильно поступили, — сказал Иван Ильич.

— Считаешь, строгого выговора ему мало?

— Да нет. Думал я, что вы заберете его от меня. Ну, как я с ним буду работать? Никакой веры человеку.

Некрасов нахмурился, долго всматривался в лицо Ивана Ильича, а затем спросил:

— Сказать откровенно? Я думал, ты руководитель покрепче. Или, сказать точнее, поглубже. Как же можно? Редактор твой — человек молодой... С первых дней пошел по неправильному пути. А теперь у него строгий выговор. Кому он такой нужен? Один у него выход: так работать, чтобы годика через два иметь право написать: «Прошу снять выговор». И неужели тебе самому не интересно, как будет исправляться человек? И помочь ему в этом?

Вспомнив сейчас об этом, Иван Ильич усмехнулся: «Припер меня к стене секретарь обкома»...

Иван Ильич взошел на косогор и остановился: здесь начиналась земля района.

Взор его скользил по равнинам и косогорам и остановился на еле видимых белых домиках, рассыпавшихся близ синей полосы леса. «Колхоз «Богатырь»... 25 тысяч гектаров... Председатель Поливанов... — автоматически отметила цепкая память секретаря райкома. — Да, а вот болен Поливанов. Третий месяц болен. Не понять, какая могла найтись хвороба на такого могучего богатыря? Что же это такое? — Иван Ильич растерянно оглянулся. — За три месяца я не смог навестить Поливанова, узнать, что с ним».

Иван Ильич обернулся и махнул рукой остановившейся поодаль «Победе». Шофер распахнул дверцу.

— Истомился я за вас, Иван Ильич. Садитесь, пожалуйста.

Машина мчалась по зеленой дороге, вспугивая жаворонков, которые молниеносно взлетали в небо и, повиснув в нем, точно на нитке, принимались петь. «Интересно, если бы не эта история с Изюмским, ехал бы я сейчас к Поливанову?» — неожиданно и с тревогой подумал Иван Ильич.

В МОСКВУ на гастроли

Гнат Петрович Юра (слева) читает Амвросию Максимилиановичу Бучме письмо московских студентов.

Утром незадолго до репетиции главному режиссеру Киевского украинского драматического театра имени Ивана Франко Г. П. Юре подали письмо:

«Уважаемый Гнат Петрович! Мы, московские студенты, недавно узнали, что этим летом в Москву в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией приезжает и театр имени Франко. Мы, москвичи, всегда с интересом ждем приезда этого театра. Мы полюбили Ваш театр с его прославленными мастерами. Вспоминая Ваши спектакли, хочется сказать: это действительно театр жизненной правды!.. До скорой встречи».

Да, встреча должна была быть скорой, очень скорой. Это радовало и тревожило.

Читали новую пьесу и думали: годится ли она для Москвы? Работая над спектаклем, мечтали показать его в Москве. Поручали ответственную роль молодому актеру — и вновь волнения: не растеряется ли он на гастролях?..

Пятый раз едет театр в Москву. Столичные зрители хорошо помнят последние его гастроли в 1950 и 1951 годах, когда по 2—3 раза ходили на спектакль «Украденное счастье». Все говорили тогда об огромной силе актерского таланта Бучмы, показавшего правдиво и убедительно всю бездну горя простого, маленького человека — Миколы. Москвичи аплодировали Ужвий, раскрывшей такие разные характеры, как Анна («Украденное счастье») и Наталья Ковшик («Калиновая роща»); аплодировали другим участникам спектакля «Калиновая роща» — Шумскому (Романюк), Добровольскому (Ветровой), молодой обаятельной актрисе Ольге Кусенко (Василина). Надолго запомнили зрители Гната Юру в роли украинского мещанина во дворянстве — Мартына Борули в одноименной классической комедии и А. Бучму в заглавной роли в пьесе А. Корнейчука «Макар Дубрава».

Украсить новыми сценическими портретами эту прославленную галерею, постараться в своих спектаклях осветить важные и волнующие темы современности — вот мысли, которые сейчас здесь в Киеве владели всеми в театре.

Рано утром можно было видеть, как склонялись в глубоком раздумье над эскизами декораций нового спектакля его постановщик Гнат Юра и художник В. Меллер.

В это время в фойе собирается молодежь, идут бесконечные споры. Молодые актеры решили подготовить для выступления на предприятиях Москвы специальную концертную программу. Один предлагает литературный монтаж, другой — отдельные отрывки...

Готовится к этим выступлениям и вокальная группа. Из зрительного зала слышно, как снова и снова повторяют певцы одну и ту же музыкальную фразу, добиваясь стройности и чистоты звучания. За кулисами у выхода на сцену толпятся оркестранты: наступило время, когда зал должен быть отдан оркестру. Сцена нужна и рабочим, монтирующим декорации к новой пьесе, режиссерам и художникам, обновляющим отдельные картины старых спектаклей и для репетиции новых. Нельзя забывать и о киевском зрителе: ровно в 7.30 вечера, как всегда, должен подняться занавес для очередного представления.

Об этих днях в театре говорят: «Работаем не по часовому, а по минутному графику». Но вот оркестранты начали репетицию. Зал заполнила мелодия старого вальса «На сопках Маньчжурии» — лейтмотив спектакля «Порт-Артур». И кажется, видишь на бруствере могучую, несокрушимую фигуру Борейки-Добровольского — неколебимо стоит он с обнаженной шашкой в руке, словно памятник мужественным защитникам Порт-Артура.

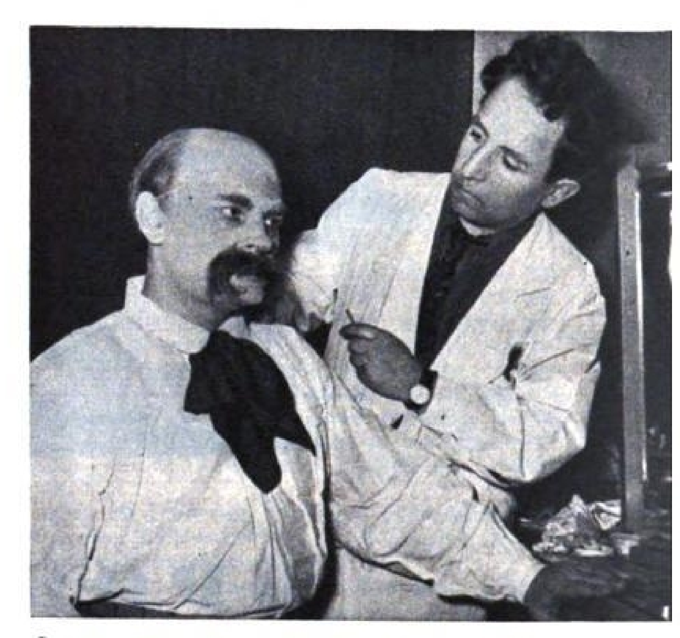
В мастерских идет подготовка нового спектакля, обновление декораций, ранее выпущенных. Какое дело московскому зрителю, что «Порт-Артур» за 2 сезона сыграли около 150 раз и декорации изрядно потрепались от выездов в дома культуры, клубы города, в подшефный Бородянский район, от длительного путешествия в Ленинград летом 1953 года?! На гастролях все должно выглядеть так, как на премьере! Поэтому в костюмерном цехе тщательно осматривают каждый костюм, каждую оборку платья. Поэтому в осветительном цехе идет непонятное смешение времен года: дождь переходит в снег, которому почему-то сопутствует радуга, вслед за ней разрезает полумрак цеха молния — проверяется специальная осветительная аппаратура.

По вечерам в зрительном зале режиссеры, ассистенты, члены партийного комитета, актеры внимательно и придирчиво следят за действием спектакля: доносят ли исполнители до зрителя замысел автора, помнят ли о задачах, поставленных режиссером, о психологическом раскрытии характеров?

Образы, созданные прославленными мастерами Театра имени Франко — Бучмой, Шумским, Юрой, Ужвий, Добровольским, Милютенко, Нятко, Пономаренко,— всегда пленяют глубиной и ясностью, делая понятными зрителям характеры и наших современников и отдаленных от нас десятилетиями персонажей.

Десять спектаклей покажет театр в Москве, семь принадлежат перу советских драматургов; среди них новая пьеса А. Е. Корнейчука.

Двадцать пять лет связан театр с Александром Евдокимовичем Корнейчуком. Здесь начиналась сценическая история его пьес; за «Калиновую рощу» и «Макара Дубраву» участникам присуждены Сталинские премии.

Среди спектаклей, которые театр покажет в Москве, — пьеса о великом украинском поэте Т. Г. Шевченко «Петербургская осень». Д. Е. Милютенко готовится к роли Шевченко. Справа — гример В. Я. Туревский.

Вероятно, это давнее тесное сотрудничество драматурга с театром и обусловило сценичность его произведений. Актерам удобно в его пьесах — точная мысль, верная логика действия, образная речь...

Театру драматургия Корнейчука помогла стать пропагандистом актуальной советской темы. Вот почему, когда новая пьеса Корнейчука «Крылья» попала в театр, хотя оставалось немногим более месяца до Москвы, весь коллектив с радостью включился в работу.

В центре пьесы образ секретаря обкома Ромодана, которого играет В. Добровольский. Часто после репетиций и до них можно было увидеть постановщика спектакля Г. П. Юру и исполнителя главной роли за пьесой. Осмысливали каждое действие, реплику, поступки, взгляды... Ромодан — подлинный герой нашего времени, умный, решительный, честный, душевный человек. Тщательно выписаны и остальные образы.

Репетиции «Крыльев» шли утром, днем, вечером: спектакль готовили к гастролям в Москве.

1 июня начнутся гастроли Театра имени Франко в московском Малом театре, прозванном Домом Щепкина — прославленного актера, основоположника реализма в русском и украинском театральном искусстве. К этому дню с волнением готовятся украинские артисты.

И. ВЕРШИНИНА

Показан будет в Москве и спектакль «Порт-Артур» А. Степанова и И. Попова. На фото: сцена из спектакля. Борейко — В. Н. Добровольский и солдат Родионов — П. Пасека.

Фото Н. Козловского.

ДВА РАССКАЗА

Сергей НИКИТИН

Рисунки В. Высоцкого.

ПРОПАСТЬ

Поезд пришел на станцию Чигры в сумерках.

Участковый финансовый инспектор Лабутин, зная по опыту, что подводу легче всего найти возле закусочной, не мешкая, направился туда.

К вечеру стало подмораживать — грязь на дорогах загустела, лужи подернулись ледком, а на карнизах кое-где даже выгнало хилую сосульку. Но, тем не менее, здесь, за городом, весна была особенно ощутима. И даже облупленный вокзальчик с деревянной платформой и деревянным пакгаузом был тоже как-то особо, по-весеннему, грязен, замусорен и темен от сырости.

В вагоне у Лабутина озябли ноги. Ему хотелось разуться в теплом месте, и, думая теперь о предстоящем пути по бездорожью, он невесело пробормотал:

— Жизнь...

Ему шел тридцать седьмой год. Девять лет назад, вернувшись с войны, он начал работать участковым инспектором в райфинотделе и с тех пор все ездил по колхозам. Там уже привыкли к нему и, завидев издали долговязую фигуру в короткой зеленой шинели, говорили:

— Вон Иван Василич идет.

Сам он сначала думал, что останется на этой работе недолго. Но потом, когда вызнал, кто в деревнях портняжничает, валяет валенки, режет ложки, набивает кадки, и научился извлекать из своей должности кое-какие выгоды, то решил, что лучше работы и не найти. И если роптал теперь на свою кочевую жизнь, то это всегда было вызвано каким-нибудь преходящим поводом — дождем, распутицей, морозом или просто дурным настроением.

В закусочной он, как и предполагал, нашел себе попутчика.

— К нам теперь только одна дорога, через Черкутино,— затягивая подпругу, говорил ему колхозник из села Яры.— Беда, как воды много! Овраги — те сплошь залило, и в лесу под снегом — вода. Кабы не распутица, тебе, Иван Василич, до Черкутина-то рукой подать, а теперь дадим крюку километров восемь.

— А ты как меня знаешь? — спросил Лабутин.

— Эко! — удивился колхозник.— Да кто же тебя не знает!

— Это верно,— не без тайного удовольствия согласился Лабутин.

— А я, значит, Федор Мешков из Яров. Был на базаре, сметаной от колхоза торговал... Известное дело — выпил...

— Мешков? — вспомнил Лабутин.— Это ты валенки валяешь?

— Нет, это брат мой Евсей. Тоже в Ярах живет. А я Федор.

Когда они выехали, было уже темно. Высоко над головой, на фоне неба, мелькали зубчатые верхушки елей. Лес, который начинался прямо за станцией, был полон звуками текущей и падающей воды, и вскоре ее плеск послышался под ногами лошади.

— Хоть бы луна скорей вышла. Того гляди, угодишь в какую-нибудь чертову яму... — болтал словоохотливый Мешков.— И что за нужда тебе, Иван Василич, таскаться по деревням об эту пору?

— Нельзя дома-то сидеть: работа...— нехотя отозвался Лабутин.

— Это так. Волка ноги кормят,— согласился Мешков.

Лабутин насторожился, но, приняв во внимание дружелюбный тон, каким была сказана эта пословица, решил, что Мешков присовокупил ее просто так, к слову.

Лес все тянулся и тянулся. Он был пронизан запахом талого снега и мокрой коры — тем волнующим весенним запахом, который будоражит кровь, путает мысли и заставляет невольно вздрогнуть от каких-то смутных, неясных желаний. Но все это было в жизни Лабутина множество раз; он разучился ценить такие мгновенья и думал теперь лишь о том, как бы поскорей приехать на место, чтобы перестала подпрыгивать под ним эта телега и не толкали его со всех сторон какие-то тюки, бидоны и ящики.

Лес неожиданно кончился. Круто повернули влево и поехали по высокому берегу реки. Пойму уже всю залило, в спокойной воде отражались звезды, и, глядя вдаль, где все, кроме звезд, тонуло во мгле, нельзя было разобрать, где небо, а где вода.

— Не нынче — завтра перекроет тут дорогу,— сказал Мешков.— Большая вода идет. Помню, в двадцать шестом году было...

Но в это время копыта лошади стукнули обо что-то твердое, под телегой треснуло, и она глубоко осела передними колесами. Лабутин, чтобы не скатиться, прыгнул наугад в темноту, поскользнулся на каких-то бревнах и почувствовал, что в сапоги ему наливается ледяная вода.

— А, черт!—выругался он.— Едешь без разбору... Болтаешь только попусту!

— Мост подмыло,— растерянно бормотал Мешков.— Новый мост... Доротдел строил... Строители!.. Измок ты, что ли, Иван Василич?

— Измок! — передразнил его Лабутин плачущим голосом.— Измокнешь с тобой!

— Да ты не серчай! Тут недалечко бакенщик Ермилин живет, ступай к нему, обсушись. Метров триста пройдешь, и будет эдак на взгорочке его домушка. Ступай. Я заеду за тобой.

Чувствуя с каждым шагом неприятную мокроту в сапогах, Лабутин пошел, не разбирая дороги. Ему пришлось пройти значительно больше трехсот метров, прежде чем он увидел слабый, рыжеватый огонь керосиновой лампы и услышал лай собаки. Избушка бакенщика бесформенным сгустком тени темнела у самой воды. На стук вышел Ермилин, прикрикнул на собаку и, подняв над головой фонарь, сказал:

— Эка темень! Не вижу, кто тут...

Лабутин, уверенный, что его узнают по зеленой шинели, шагнул в полосу света.

— Пусти, старина, обсушиться, ухнул по колена.

— Ну, входи. Тесно только у меня,— предупредил Ермилин.

Нагнувшись под низкой притолокой, Лабутин полез в избушку. Оказалось, что Ермилин был не единственным ее обитателем. У дальней стены, положив на стол полные руки, сидела женщина, и Лабутин в упор встретился с ее большими темными глазами. На вид ей было лет тридцать пять, и по этим полным рукам, по круглым плечам, по тому, как под серой шелковой кофтой ровно поднималась и опускалась ее грудь, в ней угадывалась крупная, сильная и спокойная женщина.

— Здравствуйте,— сказала она густым, певучим голосом.

И у Лабутина мгновенно сжалось сердце — так бывает всегда, когда вдруг увидишь наяву то, о чем долгое время лишь мечтал. С тех пор, как у него умерла мать, он неотступно думал о женитьбе. В мыслях он видел своей женой зрелую, но сохранившую в себе неистраченную силу любви женщину с мощной фигурой неутомимой работницы, ясную в мыслях, простую в желаниях, и теперь ему казалось, что перед ним именно такая женщина, и он смятенно топтался у порога, забыв даже поздороваться.

— На-ко вот, надень,— сказал маленький сутуловатый Ермилин, кидая к ногам Лабутина разношенные валенки.— Где это тебя угораздило так ухнуть?

— А Николая все нет,— вздохнула женщина, у которой вид мокрого, озябшего Лабутина, очевидно, вызвал беспокойство о ком-то другом, кто блуждал сейчас в этой темной, сырой ночи.

Она поднялась и, окутав голову пуховым платком, пошла к выходу. Одета она была красиво, со вкусом, и когда проходила в дверь, то на Лабутина нанесло тонкий запах духов. Очевидно, даже Ермилин почувствовал, что ее присутствие в тесной избушке бакенщика требует объяснений. Едва она вышла, он кивнул на дверь и сказал:

— Дочь Зинаида. Сегодня приехала.

— Навестить?

— Да как тебе сказать...— замялся Ермилин.— Вроде бы по нужде. Разошлась с мужем и сразу отца вспомнила. Бывало, в полгода раз открытки дождешься, а теперь, значит, нужен стал... Ты смотри, виду не подай, что знаешь.

«Вот бы...» — мелькнула у Лабутина мысль.

«А что,— думал он минуту спустя, подсев к огню и вытягивая ноги, изнывавшие в сладкой истоме,— женщина в горе, ей бы сейчас только прибиться к тихой пристани. А у меня дом. Работенка ничего себе...»

Он не был ни в чем уверен, но женитьба на ней показалась ему хоть и далеким, но вполне вероятным делом.

— Нет ли у тебя, старина, водки? Я бы заплатил,— весело сказал он.

— Не в плате дело,— неуверенно ответил бакенщик.— Есть у меня, да сын должен вот-вот с охоты вернуться, ему берегу.

Вошла Зинаида. Она зябко передернула плечами и прижалась к печке.

— Вода такая жуткая, темная... Беспокоюсь я о Николае.

— Бабьи страхи! — проворчал Ермилин.— Заночевал где-нибудь на гриве, хочет еще одну зорю отсидеть. Вырвется разъединственный раз из города, так уж рад-радешенек. Пускай тешится на доброе здоровье. А ты лучше собирай-ка ужинать, чем без дела-то томиться.

На дворе вдруг неистово залаяла собака, и голос Мешкова позвал:

— Иван Василич!

Лабутин вышел на крыльцо.

— Ну, как ты там, пообсох? Поедешь? — спросил невидимый в темноте Мешков, предварительно обругав за что-то лошадь.

— Нет. Ну тебя к лешему! Утром пешком доберусь,— отозвался Лабутин.

— Счастливо, значит, оставаться. Будешь в Ярах, захаживай. Ко мне или к брату — все одно. Брат у меня...

Не слушая его, Лабутин хлопнул дверью. Зинаида накрывала на стол. Ермилин вдруг махнул рукой и, вытащив из-под кровати бутылку водки, решительно бухнул ее на стол. Сели ужинать. Выпив, Ермилин сразу захмелел, глаза у него сузились, заблестели, и в них появилась хитроватая стариковская усмешка.

— Вот так, значит, и ходишь? — спросил он Лабутина.

— Так и хожу,— сказал Лабутин.

Он тоже размяк в жаре, откровенно смотрел во все глаза на Зинаиду, и ему хотелось привлечь чем-нибудь к себе ее внимание.

— Так и хожу, старина,— повторил он.— Каждому свое. Ты вот тут сидишь, у своего дела, а я за своим хожу. Главное в любом деле — выгоду найти. Так я говорю?

Это, казалось, вызвало одобрение Зинаиды: она более внимательно посмотрела на него,— и ему показалось, что между ним и ею возникают наконец нити взаимной заинтересованности.

— Я человек одинокий,— многозначительно продолжал он,— мне много не нужно. Сыт, одет, обут. На черный день имею. Плохо-бедно, заработную плату сохраняю в полной неприкосновенности...

— Туманно что-то выражаешься. Это как же? — поинтересовался Ермилин.

— А так, что, пока кустарь не перевелся, нам жить можно,— засмеялся Лабутин.— Вот и смекай, если голова на плечах.

Он говорил «нам», потому что, имея сделки с кустарями при обложении их налогом, не мог даже представить себе, что эту возможность упускают другие. По его мнению, поскольку такая возможность существовала, ее нужно было, не рассуждая, использовать.

— Не похвалят за это в случае чего,— сказал Ермилин, очевидно, догадавшись о чем-то.

— Кто дознается? Тут вроде игры в третий лишний.

— Ловко! — покачал головой Ермилин.— Выгодная, стало быть, должность?

Лабутин небрежно пожал плечом:

— Кормит.

Он заметил в углу ворох сетей, и перед ним блеснула новая возможность расположить к себе Зинаиду.

— До тебя вот я никак не доберусь, старина,— серьезно сказал он.— Сети, наверно, на продажу плетешь, лодки долбишь. Так, что ли?

— Не-е-е, меня не укусишь,— усмехнулся Ермилин.— Мне это ни к чему. Было прошлым летом дело, продал старый ботничишко студентам за полсотни. Пристали: им, вишь ли, вздумалось по реке путешествовать. А сети нет, ни к чему мне это.

— Все вы так поете. Только ты, старина, не бойся. Я пройду — глаза закрою. Не думай, что я прижимала какой-нибудь,— сказал Лабутин, метнув взглядом в сторону Зинаиды.

— Чего мне бояться...— нахмурился Ермилин.— Не тот разговор ты, парень, затеял, ну тебя совсем!

Ужин кончился. Ермилина клонило ко сну, он едва держал голову и один раз даже громко всхрапнул. Зинаида, закутавшись в платок, опять вышла. Лабутин подумал и тоже вышел.

Вокруг все чудесно изменилось. Над поймой висел прозрачный, точно подтаявший, серпик луны; вода металлически блестела; голые кусты просвечивали, и в них была видна каждая веточка.

Женщина неподвижно стояла спиной к Лабутину, смотрела в сторону поймы.

— Все брата ждете? — спросил Лабутин.

— Да,— сказала она и быстро пошла вдоль берега.

«У, дикая!..» — подумал Лабутин.

Он шагнул с крыльца за ней, но вспомнил, что на ногах у него валенки, и вернулся.

Ермилин дремал, сидя за столом.

— Ты уж разреши мне до рассвета у тебя погостить,— попросил Лабутин.

— Там, за печкой, топчанок, ложись,— пробормотал Ермилин.

Поджав ноги, Лабутин лег на короткий топчанок и укрылся своей шинелью. Он даже не знал, спал или нет,— легкая дремота колыхала его, как на волнах; он то проваливался в беспамятный сон, то вновь просыпался. Он слышал, как Зинаида хлопнула дверью, накинула крючок, видел, как по избушке от переставленной лампы метнулась изломанная на углах тень, а потом вдруг очнулся от того, что вся избушка сотрясалась от чьих-то тяжелых шагов, и веселый, сочный голос громко говорил:

— Если бы не луна, пришлось бы мне ночевать в лодке. В такие дебри заехал, что черт ногу сломит. Зато — смотри!

Не поворачивая головы, Лабутин видел, что посреди избушки стоял высокий, грузный человек, очень похожий своей монументальностью и открытым лицом на Зинаиду, и торжественно держал в поднятой руке связку нарядных весенних селезней, краснобровых тетеревов, и от них по всей избушке пахло пером, порохом и еще чем-то непередаваемым — чем-то ветреным, солнечным, снежным...

«Это же Ермилин, директор радиозавода! — вспомнил Лабутин.— Как это я раньше не догадался? Известная личность...»

— Люто есть хочу, Зинка. Дай чего-нибудь. Отца не буди, не надо,— говорил между тем Ермилин-младший.— Вот не ожидал видеть тебя здесь. Из твоего письма я ничего не понял, думал, хоть приедешь прямо ко мне... Почему не приехала?

— Я твоей жены стесняюсь,— сказала Зинаида.— Она не любит меня.

— Ерунда! Она всех любит. Расскажи-ка тол-

ком, как у тебя получилось... получилась эта катавасия.

— Что рассказывать! Просто все эти три года он обманывал меня. У него была другая семья... Вот и все.

— Мерзавец! Морду ему набить!

— Ты все такой же взбалмошный,— с ласковым укором сказала Зинаида.— Садись, ешь.

Он хотел сказать еще что-то, но, очевидно, уже сунул в рот кусок и только невнятно замычал.

— Я хочу снова вернуться на наш завод,— сказала Зинаида.— Ты знаешь, когда я оправилась после этой, как ты говоришь, катавасии, я почувствовала неодолимое желание работать. Мне показалось невероятным, что три года прошли у меня без работы. Скользнули они как-то незаметно, и теперь памяти даже не за что зацепиться, чтобы вспомнить о них. Я никогда не подозревала, что может охватить такая тоска по работе. Как у тебя сейчас с квартирами? Строите много?

— У меня жить не хочешь? — спросил брат.

— Не хочу.

— Ладно, устрою тебе комнату.

— Нет, без всяких «устрою»,— сказала Зинаида.— Оставь мне, пожалуйста, дорогое для меня право быть со всеми равной.

У Лабутина затекли ноги, и он шевельнулся.

— Кто это? — тихо спросил Ермилин.

— Не обращай внимания,— тоже тихо ответила Зинаида.— Так... дрянь какая-то. Все своими махинациями тут хвастался. Противно слушать...

Они еще долго говорили о своих делах. Ермилин велел Зинаиде вынести дичь на холод, кинул через всю избушку сапоги к двери, на этом, кажется, успокоился и погасил свет.

Лабутин пролежал остаток ночи без сна. Он знал, что на этом обрывается его мечта о Зинаиде, что не было, да и быть не могло никаких нитей, будто бы связывающих их,— все это он выдумал,— что между ним и этими людьми лежит непроходимая пропасть; и когда в потемках избушки наконец прорезалось маленькое оконце и бросило на пол крестообразную тень рамы, он встал, тихо откинул крючок и вышел.

За ночь погода успела перемениться. Ветер натащил сырых облаков, тонко свистел в прибрежных осокорях, и через реку, словно черные хлопья, летели стаи грачей.

«Фу, как нехорошо!..» — думал Лабутин, шагая по грязной дороге и глядя, как полая бутылочно-зеленая вода катится через затопленные вербы.

Он пробовал думать о другом, говорил себе, что все ерунда, пустяки, что нет большой беды в том, что его обругала баба, но нехорошее чувство не проходило, и ему было одновременно и досадно и скверно.

Вдали показались избы Черкутина, над ними вились серые, растрепанные ветром дымки. Лабутин перешел по скользкому бревну через канаву, обогнул раскисшее озимое поле, стал подниматься на гору и все нес в себе неприятное чувство, от которого никак не мог отделаться.

МОРОЗ

Село просыпалось постепенно.

Еще глубокой ночью из сторожки конного двора без полушубка, без шапки вывалился сторож и сел на жесткий, смерзшийся снег, очумело озираясь по сторонам. На склоне лет старик был зябок; чтобы сохранить побольше тепла в печи, рано закрывал трубу и потому частенько угорал. С четверть часа сидел он на снегу, вдыхая сухой, колкий воздух, потом скребнул ногтями по твердому насту, набрал в горсть снега и, вытерев им лицо, вернулся в сторожку.

Спустя некоторое время по всему селу то здесь, то там захлопали двери. Тявкнула спросонок собака — одна, другая, сдавленно пропел петух, очевидно, запрятанный в тепло, и послышался скрип шагов по мерзлому снегу: на фермы шли женщины.

А когда посинело стылое небо и этот синий свет упал на снежные поля, на заметенные крыши, на облепленные снегом деревья, то на улицах и на дорогах, ведущих к селу, замелькали маленькие фигурки школьников первой смены.

Был понедельник — «тяжелый день», но для Ивана Лукича Игумнова он неожиданно обернулся праздником. Утром приехал шурин, и для любимого братца Анна Кирьяновна выставила на стол водку, жареное и мороженое сало, соленые огурцы, моченые яблоки,— словом, всю свою погребную снедь, и пока мужчины выпивали под эту скороспелую закуску, она уже возилась с тупой мясорубкой, с хряском прогоняя через нее мясо для пельменей.

Ивану Лукичу не часто доставалось такое угощение от прижимистой Анны Кирьяновны. Прежде чем выпить, он ловил вилкой скользкий грибок с кольчиком лука, разглядывал прадедовскую лампадку на свет, жмурился и сладким голосом говорил:

— Кушай на здоровье, Николай Кирьянович.

И в то же время, глядя, как круглый, туго налитой темной кровью шурин, пачкая жиром толстые губы, отправлял в рот куски жареного сала, думал: «Чтоб ты треснул, шельма ты эдакая!»

Он не любил шурина, считая его человеком ленивым и нечистым на руку. Работал Николай Кирьянович попеременно во всех окрестных районных городах: то в Глазове, то в Вятажске, то в Середе,— но долго нигде не задерживался и гораздо охотнее живал в длительных промежутках между должностями нахлебником у сестер, которых у него было пять и которые души не чаяли в единственном братце.

Когда старые ходики, издававшие вместо тиканья металлический визг и скрежет, показали двенадцать, Иван Лукич вдруг поднялся.

— Ты куда? — спросил шурин.

— В Пестово мне надо, за Сергунькой,— сказал Иван Лукич, бочком пробираясь через узкий проход между столом и лавкой.— Мальчонка там живет, ученик, хроменький. В школу ему за шесть километров неспособно ходить, вот правление и приставило меня с лошадью возить его.

— Ишь ты! — неопределенно высказался гость.

— Я живо-два обернусь, ты кушай на здоровье,— сказал Иван Лукич.

Выбравшись из-за стола, он подбежал к печи, стянул за рукав тулуп, крытый дешевой диагональю, надел его и ловко перепоясался два раза скрутившимся, как веревка, кушаком. Затем достал из печурки голицы, нахлобучил шапку — и в минуту был готов. Маленький, сухонький, он всегда и все делал очень быстро, споро и даже не ходил, а как-то бегал, семеня и подпрыгивая, и на селе его звали Коренек, очевидно, выражая в этом прозвище свое ощущение чего-то крепенького, ладного и живучего.

— Я живо-два обернусь,— повторил Иван Лукич и, толкнув сразу плечом и коленкой примерзлую к косякам дверь, выскочил в сени.

В сторожке зябкий сторож топил печь.

— Ну, моро-о-оз! — входя, сказал нараспев Иван Лукич.

— Жмет?

— Беда как! Градусов, чай, тридцать будет...

— Не, тридцать не будет,— уверенно возразил сторож.— И двадцати-то пяти, пожалуй, не будет. Давеча утром ребятня в школу густо валила. Разве пошли бы, кабы тридцать-то было? Ни за что бы не пошли, я уж знаю...

Иван Лукич снял со стены хомут.

— Кого запрягать-то будешь? Майку твою в кузню увели ковать...— сказал сторож.

— Это как же увели? — угрожающе спросил Иван Лукич.

Во хмелю он легко по всякому поводу настраивался на воинственный лад.

— А уж не знаю как. Увели — и все тут. Ступай к председателю; он с ветеринаром на конюшню пошел. Может, он распорядится. Только не знаю, все лошади на лесозаготовках, а то удобрения возят. В конюшне одни хворые да лядащие остались.

Иван Лукич снова выскочил на мороз.

Возле конюшни, заложенный в легкие санки, стоял статный вороной жеребец Червончик, на котором ездил председатель. Конь шевельнул ушами и покосился на Ивана Лукича блестящим лиловым глазом.

— Ишь, бестия! — одобрил Иван Лукич коня

и не удержался, чтобы не потрепать его за стриженую холку.

В конюшне ветеринарный фельдшер стоял на коленях, бинтовал заднюю ногу крупному мерину бурой масти. Мерин с закрученной губой стоял покорно, и только кожа на сильных лопатках у него мелко и часто дрожала. Старший конюх, воркуя ласковые слова, оглаживал его шею, а в стороне председатель — огромный мужчина в широченном тулупе — басисто ругал за что-то виновато моргавшего парня, очевидно, возчика.

— Это что произошло? — тотчас же ввязался Иван Лукич.

— Да вот,— с готовностью повернулся к нему парень, надеясь найти сочувствие,— бревна раскатились, коню ногу зашибло. Разве я виноват?

— Дядя виноват! — снова забасил председатель.— За коня, голубчик, ответишь по всей строгости, не отвертишься... Тебе чего, Коренек? Чего ты вокруг меня выплясываешь?

— Это как же, Петр Евдокимыч? — опять настраиваясь воинственно, сказал Иван Лукич.— Майку в кузню увели, а мне надо за Сергунькой ехать.

— Эко, право! Все не во-время сделают...— Председатель подумал, покусывая свисающий ус.— Слетай, старина, на моем Червончике, только не мешкай там, я скоро в четвертую бригаду поеду.

— Я живо-два,— откликнулся Иван Лукич.

— Не гони очень-то! — крикнул ему вслед председатель.

На дворе Иван Лукич снял со спины Червончика ветошку, отвязал вожжи и, взбив в санках сено, боком повалился в них. Конь, топчась на одном месте, развернулся и легкой рысцой побежал со двора на дорогу, косясь на незнакомого ездока своим лиловым глазом. Он высоко поднимал тонкие ноги в белых чулочках, красиво выгибал шею, круто пофыркивал, и Ивану Лукичу было приятно, что ему доверили такого хорошего, дорогого коня. Он чуть шевельнул вожжами, конь наддал, по лицу Ивана Лукича секанула морозная пыль из-под копыт, и вдруг забытое озорство молодости пронзило его. Забыв запрет гнать, он крутнул над головой концами вожжей и гикнул. И сразу точно ветер подхватил саночки. Мотаясь из стороны в сторону на разъезженной колее, они понеслись вдоль изб и плетней и скоро уже катили далеко за селом по ровному белому полю. Сквозь чащобу голого березняка сеяло свои лучи морозное солнце, снег на озимом поле был нежнорозов и чист, а у самого подножья березняка лежала тень, вся в мелких промежинах света, и казалось, что на розовую скатерть бросили густо подсиненное кружево. Но Иван Лукич ничего не видел: в глазах у него не то от встречного ветра, не то от восторга дрожали слезы, и все расплывалось, туманилось перед ним, словно за кривым стеклом.

— Ах, батюшки! — только ахал он в упоении.— Ах, батюшки!

И все нет-нет, да пошевеливал вожжами, горяча жеребца.

Раскрасневшийся, облепленный снегом, влетел Иван Лукич в Пестово и остановился возле избы с резными наличниками и деревянным петухом на крыше.

— Здрасте, хозяева! — громко крикнул он, входя в пустую кухню.

Из горницы, сильно припадая на правую ногу, вышел мальчик с пеньковыми давно нестриженными вихрами на большой голове, с широко раскрытыми серыми глазами и с выражением величайшего лукавства на курносом лице, сплошь залепленном крупными веснушками.

— Здравствуй, Лукич,— серьезно сказал он, подавая старику руку.— Посиди, я сейчас соберусь.

Сергуньке было одиннадцать лет. Но учился он только в третьем классе, потому что в раннем детстве перенес костный туберкулез и пролежал несколько лет в санатории. Там он, не вставая с постели, начал учиться, а когда его выписали, то директор сельской школы выхлопотал для него в колхозе лошадь.

— Может, не поедешь сегодня, Сергуня? Морозно очень...— сказала мать, выходя вслед за ним из горницы.— Здравствуй, Иван Лукич. Слышь, морозно сегодня очень... Может, не ездить ему?

— Не сумлевайся, Марья Андреевна,— сказал Иван Лукич,— домчим живо-два. Ты, Сергунька, гляди, какой конь-то у нас сегодня. Майку, значит, в кузню увели, а Петр Евдокимыч говорит: бери моего Червончика, езжай за Сергунькой.

В тепле лицо его, нахлестанное морозным ветром, разгорелось, оттаяли замерзшие на бороде слезы, и весь он размяк и разомлел.

— Не кувырни, смотри,— сказала Марья Андреевна, подозрительно присматриваясь к нему.

— Не,— бормотал Иван Лукич.— Живо-два... Разве можно кувырнуть? Никак этого нельзя...

Закутанного в тулуп Сергуньку мать усадила в санки, подоткнула полы тулупа, Иван Лукич стал у передка на колени и потянул вожжи.

— Эх, Лукич, забыл я тебе кота показать!— уже за деревней спохватился Сергунька.— Здоровенного кота вчера мамка из города привезла! Говорит, знакомые подарили... Ух, здоровенный кот! Как прыгнет с печи, так даже изба вздрогнет.

— Ври! — сказал Иван Лукич.

— Правда! Полпуда котище весит.

— Вешали, что ли?..

— Прикидывал я на безмене. Ровно на полпуда тянет.

— Ври! — снова сказал Иван Лукич.

— Ну вот еще! Стану я врать,— обиделся Сергунька.

Он всегда рассказывал что-нибудь маловероятное, но при этом его обычно лукавые глаза сияли таким откровенным простодушием и, если ему не верили, выражали такую неподдельную обиду, что сомнение невольно рассеивалось. И на этот раз Иван Лукич тоже поверил ему.

— Бывают же такие!—покачал он головой.— Что твой баран...

Он больше не погонял коня, но добрый конь и без того шел спорой рысцой, и вскоре уже показалось село. Впереди на дороге чернела фигура охотника с собакой; вмиг нагнали его, и он на ходу кое-как прилепился сбоку санок.

— Где же зайцы-то? — крикнул Иван Лукич, не оборачиваясь.

— Чего? — не расслышал охотник.

— Зайцы-то где?

Охотник махнул рукой и не ответил.

— Прошлой ночью к нам в Пестово волки заходили,— сказал Сергунька.— Вышел я на крыльцо, а они рыщут по деревне... Здоровенные! Глазищи зеленущие, сверкают...

— Ври! — опять усомнился Иван Лукич.

Но охотник подтвердил, что в округе действительно видели волков.

— Облаву надо,— сказал Иван Лукич.

Червончик, пугаясь собаки, бежавшей рядом, вскидывал голову, шарахался в сторону, храпел. Иван Лукич вынул из-под сена кнут, нагнулся вперед и, изловчась, вытянул собаку по спине. Та с визгом убралась назад.

— Облаву, говорю, надо,— продолжал Иван Лукич, пряча кнут,— собрать наших, которые с ружьями, а то можно через сельсовет из города команду вызвать, как летошний год.

Подъехали к школе.

— Ты, Лукич, сегодня попозже заезжай,— говорил Сергунька в раздевалке.— У нас после уроков пионерский сбор будет.

— Ладно, ладно, учись на здоровье,— торопливо и тихо отвечал Иван Лукич, всегда робевший в школе.

Повесив сергунькин тулуп, он поскорей выбежал на улицу и погнал Червончика к правлению.

Там под окнами стоял крытый парусиной «газик». Дверь в кабинет председателя была открыта, оттуда доносилось сразу несколько голосов и смех. Иван Лукич заглянул, прислушался. Главный агроном МТС рассказывал о том, что весной подкормка озимых в колхозе будет производиться с самолета. Дело было новое, и люди, случайно собравшиеся в этот час в правлении, волновались, перебивали его, расспрашивали, и поэтому в кабинете царило такое оживление.

Иван Лукич распустил кушак, распахнул тулуп и присел у двери на свободный стул. Он вспомнил, что дома у него гость и горячие пельмени, но уходить отсюда, где велись такие интересные деловые разговоры, ему не хотелось, и он сидел, слушал и согласно кивал головой.

— Вот как! — вставил он, выбрав момент, когда стало потише.— Разжуют нам все и в рот положат. Разлюбезное дело!

Но никто не обратил внимания на его слова, и только председатель грозно сдвинул брови, предупреждая, чтобы не перебивал. Агроном вскоре уехал, потом уехал и председатель, а Иван Лукич все еще сидел в правлении, курил, беседовал с бухгалтером, читал газету, и уходить ему все еще не хотелось.

Только когда совсем стемнело, он решил проведать Майку. Та уже стояла в своем отсеке и привычно ткнулась мордой в плечо Ивана Лукича. Он сходил в сторожку, принес сбрую, очистил от снега розвальни и, заложив в них лошадь, поехал к школе. Там ему пришлось довольно долго ждать, пока у Сергуньки шел пионерский сбор. Испытывая все ту же робость, он сидел в коридоре с уборщицей и, когда она спрашивала его о чем-нибудь, отвечал ей почтительным шепотом

Наконец послышались ребячьи голоса, затопали ноги, дверь класса распахнулась, и крикливая толпа повалила в коридор. Позже всех, прихрамывая, вышел Сергунька.

— Вот так, вот так,— говорил Иван Лукич, кутая его в тулуп.— Вот так... И тепло будет... И доедем. Живо-два...

За селом стал чувствоваться ветер. И хотя небо с обрывком луны на ущербе было ясно, в поле мело, и ветер тонко свистел в голом березняке.

Согретый теплой овчиной, Сергунька думал, что хорошо было бы сбиться с дороги и плутать среди метели по торчащему из-под снега жнивью, натыкаться на темные перелески и, наконец, завидеть впереди огни чужой, незнакомой деревни, а потом рассказывать ребятам, как он плутал с Иваном Лукичом и как они видели волков...

— Приехали! — вдруг раздался громовой голос над самым его ухом.

Сергунька очнулся. Он не заметил, как задремал, и теперь, разбуженный громовым, как ему показалось, голосом Ивана Лукича, озирался по сторонам, не узнавая, куда он попал. Они стояли в какой-то деревне, прижатой темным лесом к обрыву, далеко внизу простиралась снежная гладь, уходящая во мглу, и ни единый звук не нарушал морозную тишину. Здесь, за домами, даже не было ветра и не переметало, и весь мир был залит спокойным зеленоватым светом луны...

Но вот по промерзшим ступеням крыльца заскрипели шаги, и знакомый мамкин голос спросил:

— Намерзлись, небось? Вон ведь какой мороз стоит! Идите скорей в избу...

И тогда Сергунька очнулся совершенно и узнал, что он в Пестове, и только этот зеленый лунный свет сделал все таким неузнаваемым и странным... Он шевельнул плечами, освободил руки и стал, барахтаясь, выбираться из жаркого тулупа.

В родном краю

Николай РЫЛЕНКОВ

* * *

Льется песня легко и просторно,
Где зеленой тропы поворот.
То под звук пионерского горна
В красном галстуке утро идет.

Здравствуй, дай на тебя
наглядеться
В блеске радужном первых
лучей,
Согревающий душу и сердце,
День грядущий Отчизны моей!

* * *

Ничего мне не нужно лучшего,
Как в полях у истоков дня
Встретить солнце, чтоб первый
луч его,
Вспыхнув, вдруг коснулся меня.

Снова полон той сладкой
жажды я,
Что сулит мне горячий год;
Снова верю: былинка каждая
Здесь любовью моей живет.

* * *

По белым березам солнце
течет,
По круглым бокам стогов,
И хочется верить в кукушкин
счет
Твоих и моих годов.

И хочется думать, что до ста лет
Жить нам и не устать
И, глядя заре уходящей вслед,
Другой с нетерпеньем ждать.

* * *

Сошью я кофту белую
Да голубым отделаю.
Уйду я от околицы
В ту рожь густую, спелую.

Там лето, лето целое
Жила, как песню пела, я...
Пусть знает думы девичьи
Лишь рожь густая, спелая.

Там колос чуть склоняется,
Щеки моей касается.

Еще сама не знаю, кто,
Но кто-то примечтается.

* * *

Если спросят: кто такой
Косит в пойме за рекой,
Тот, что первый ряд ведет,
Чище всех траву кладет,—

Я взгляну одним глазком:
— Мне немножко он знаком!

На его рубашке
Вышиты ромашки,
Мой каемчатый платочек
У него в кармашке.

Разве ж я его могу
Не приметить на лугу!

* * *

Не гляди ты долгим взглядом,
Песенку насвистывая.
Ваше поле с нашим рядом,
Наше золотистее.

В нашем поле колосистей,
Выше рожь кустистая;
Наша гречка крупнянистей,
В ульях мед душистее.

Наших копен на разлужье
Облака сторонятся,
И поют у нас не хуже
Парни за околицей.

Выйдут — небо станет чище,
Вспыхнут звезды новые...
Что ж форсишь ты, чем
кичишься,
Голова садовая!

Не к тебе летит с крылечка
Мой платок батистовый.
Не ходи ж ты возле речки,
Песен не насвистывай.

Речка-речонка

Прибежала девчонка
К речонке.
Протянула девчонка
Ручонки.

Ножкой топнула,
Крикнула звонко:
— Ты куда утекаешь,
Речонка!

С ветром, что ли,
Бежишь вперегонки!
Ты осталась бы
В нашей сторонке,

Разлилась бы
Серебряным плёсом
По полям,
По зеленым покосам.

По затонам твоим
На просторе
Вместе с нами
Купались бы зори

И на берег,
Ромашкой заросший,
Выходили б
В разлужье за рощей.

Ну, уважь меня,
Речка-речонка...
Иль не нравится
Наша сторонка!

Отвечала речонка
Девчонке:
— Все мне нравится
В здешней сторонке:

Колокольчики
В рощах грачиных,
Лепетуньи-криницы
В лощинах,

Схоронившийся в жите
Поселок,
В дальнем поле
Свистки перепелок.

Только есть ведь
Сторонки другие,
Все такие же мне
Дорогие.

Я текла по лесам
По дремучим,
Я по каменным прядала
Кручам.

Никогда не скучала
Без дела:
То на мельнице
Жернов вертела,

То такую турбину
Встречала,
Что огонь
Из воды добывала.

Свет в попутном селе
Зажигала
И все дальше
Вперед поспешала.

Так, со встречными
Ветрами споря,
Добегу я
До синего моря.

Подберу все ручьи,
Все криницы,
Чтоб рекой полноводной
Разлиться.

Чтобы волны мои
На причале
Все в огнях
Пароходы качали.

Где в пути
Повстречаю девчонку,
Расскажу ей
Про нашу сторонку.

И куда ни уйду,
Отовсюду
Посылать тебе
Весточки буду.

Легким облачком
С моря примчусь я,
Теплым дождичком
С неба прольюсь я

На поля, на луга,
На дубравы,
Чтоб хлеба поднимались
И травы.

...Молодела над омутом
Ива...
Ну, прощай,
Оставайся счастливо...

И, вздохнув,
Прошептала девчонка:
— До свидания,
Речка-речонка!

Медицинская сестра

Более полувека проработала медицинской сестрой Вера Георгиевна Андреева, племянница известного русского писателя В. М. Гаршина. Участница четырех войн: русско-японской, мировой, гражданской и Великой Отечественной, — она хранит много благодарственных писем от солдат и офицеров, которым оказывала первую помощь.

Свое боевое крещение Вера Георгиевна получила в осажденном Порт-Артуре. Вот как вспоминает она эти дни:

«Госпиталь, в котором нам пришлось работать, был еще не совсем достроен, а раненых с каждым днем прибывало все больше и больше.

В. Г. Андреева с внуками.
Фото Н. Ананьева.

Приходилось размещать их в коридорах, в подсобных помещениях, не хватало медикаментов, перевязочных материалов, хирургических инструментов.

Японцы круглые сутки обстреливали город, работать нам приходилось и днем и ночью. Спали по очереди два — три часа. Когда город отрезали от суши, стало не хватать пресной воды, продовольствия.

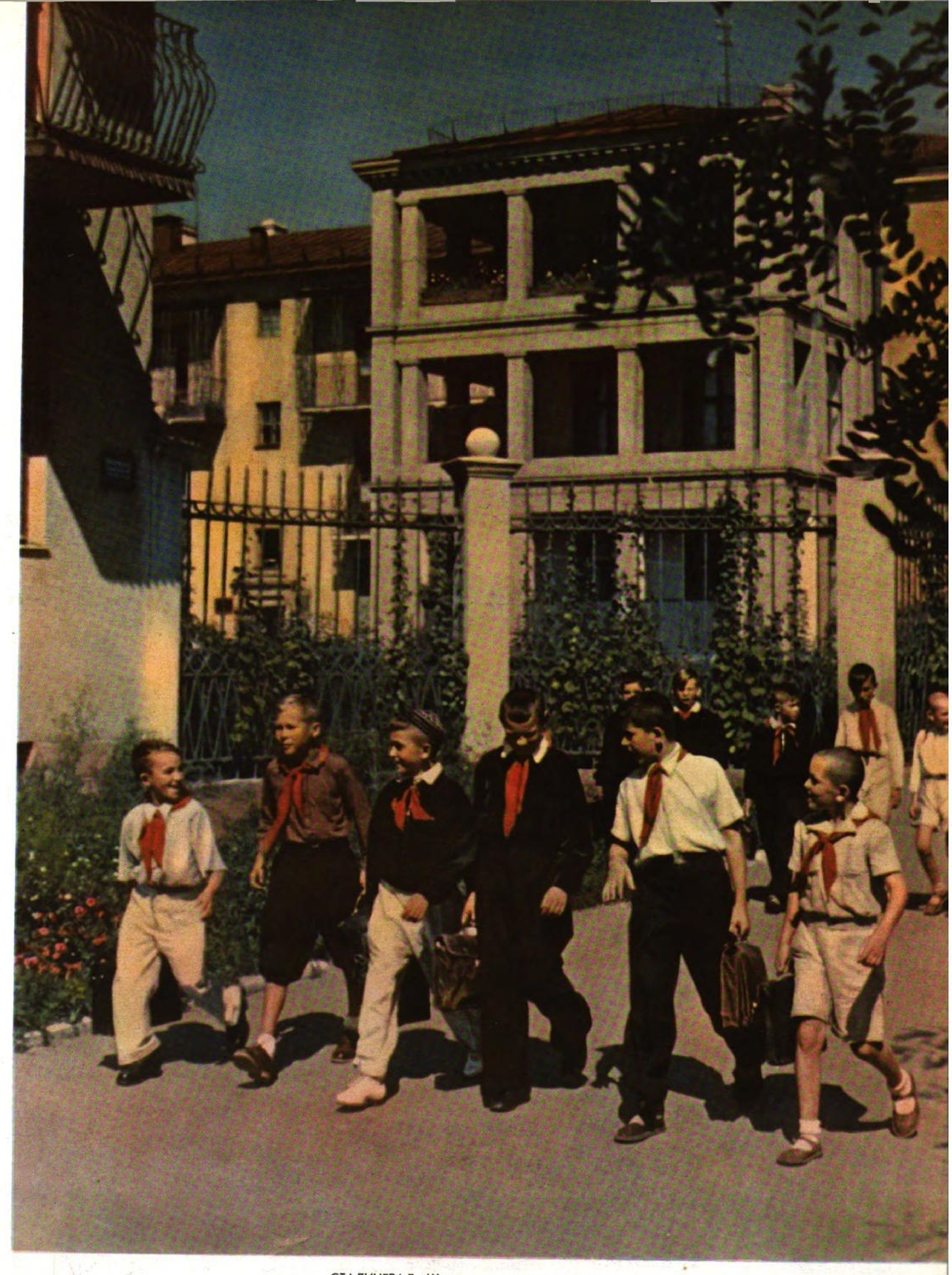
Нас, медицинских работников, даже в самые трудные минуты поддерживало исключительное мужество солдат и матросов — защитников Порт-Артура. Тяжело раненные, они не жаловались, терпеливо переносили операции, стараясь как можно быстрее выписаться, уйти на передовые».

Вера Георгиевна вспоминает о своих встречах с матросами и офицерами крейсера «Варяг», рассказывает молодежи, как защитники крепости любили и уважали адмирала Макарова.

После империалистической и гражданской войн Вера Георгиевна долгие годы проработала в клиниках Ленинградского педиатрического медицинского института. Но как только началась Великая Отечественная война, она ушла в госпиталь.

Скромная, трудолюбивая, отзывчивая, Вера Георгиевна Андреева пользуется уважением всех людей, с которыми она встречалась на своем большом жизненном пути. Советское правительство высоко оценило самоотверженный труд Веры Георгиевны, наградив ее орденом Ленина.

В. КУРГАНОВ

СТАЛИНГРАД. Школьники на улице Мира.

Фото Е. Тиханова.

ЗДЕСЬ БУДЕТ ДОМИК ЗАЛОЖЕН...

Фото Дм. Бальтерманца.

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Кто не знает московского хора мальчиков, юных певцов семи—четырнадцати лет, которые исполняют сложнейшие произведения хоровой музыки?

Московскому хоровому училищу, где обучается полтораста ребят, исполнилось десять лет. Под руководством народного артиста РСФСР Александра Васильевича Свешникова, бережно хранящего лучшие традиции русской хоровой культуры, здесь воспитано немало одаренных музыкантов, дирижеров, хормейстеров, педагогов. Мы расскажем об одном обычном рабочем дне воспитанников этого училища.

9 часов. Стихает многоголосый шум, который можно услышать перед началом учебного дня в любой школе. Первоклассники сели за парты. Одни поспешно просматривают нотные тетради (урок не очень твердо выучен!), другие заканчивают интересные разговоры.

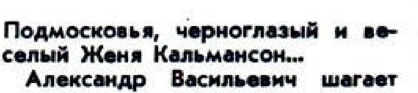
В класс вошел учитель. По тому, как свободно поет сольфеджио Гриша Горбачев, как внимательно следят за его пением-ответом ученики, трудно поверить, что это их первый учебный год. Но старейший педагог Николай Иванович Демьянов хорошо знает, сколько настойчивости и труда потребовалось, чтобы мальчики усвоили основы музыкальной грамоты.

В самом большом классе училища нет ни парт, ни учительского стола. Посредине стоит рояль, а вокруг него — маленькие пюпитры с нотами. В этом классе каждое утро Александр Васильевич Свешников ведет урок пения. Сегодня хор мальчиков разучивает старинную итальянскую песню композитора Палестрины. Звонкие детские голоса, то повышаясь, то снижаясь, сплетаются в чудесной мелодии. Ее сменяют народные песни на многих языках: русские, украинские, белорусские, румынские, японские. Ребята легко схватывают не только мелодию, но и особенности чужой речи в тексте песен.

Лица у детей вдумчивые, сосредоточенные, некоторые помогают себе, дирижируя рукой. Как различны по внешности и характеру эти дети — представители разных народов, городов и сел! Бойкий запевала Леня Николаев из Арзамаса, степенный украинец Саша Редько, Толя Фофанов из Карело-Финской республики, новичок Володя Володин из

Судя по глазам «учителя», он не очень уверен в себе.

Подмосковья, черноглазый и веселый Женя Кальмансон...

Александр Васильевич шагает по классу, иногда останавливается и прислушивается. В пении без музыкального сопровождения (à capella) почти не услышишь фальшивой ноты.

— Ну, как вы спели? Пусть каждый сам скажет.

Взыскательный учитель строг. Он приучил и учеников быть очень требовательными к себе. Со всех сторон раздаются голоса:

— Плохо!

— Спешили!

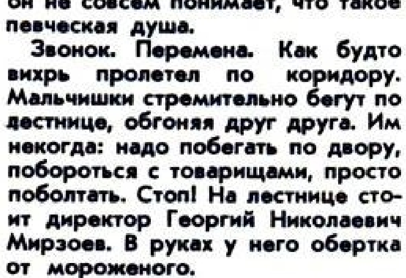
— Слишком громко!

— Красоты не было!

— Без души спели!

— Вот, вот именно. А без души нет певца,— заключает Александр Васильевич.

Свешников вызывает к роялю Андрюшу Лазаренко. Он поет соло, но это пока получается не очень складно. Ему всего 7 лет, и он не совсем понимает, что такое певческая душа.

Звонок. Перемена. Как будто вихрь пролетел по коридору. Мальчишки стремительно бегут по лестнице, обгоняя друг друга. Им некогда: надо побегать по двору, побороться с товарищами, просто поболтать. Стоп! На лестнице стоит директор Георгий Николаевич Мирзоев. В руках у него обертка от мороженого.

— Кто ел?

— Мы не знаем, кто!

Но здесь всем хорошо известно, что певцу надо беречь горло, что мороженое вредно. А как иногда бывает трудно устоять: мороженое сладкое, холодное, и на улице припекает весеннее солнце...

Снова во всех классах тишина. Идут уроки арифметики, географии, истории. Старшие готовятся к выпускным экзаменам. Этой весной с училищем простятся 28 юношей. Они провели десять лет в этих стенах. Как известно, чистота и звонкость мальчишеского голоса сохраняются только до 14—15 лет. Потом голос, как говорят, «ломается». Старшие уже не поют в хоре и обычно, заканчивая училище, поступают не на вокальный, а на другие факультеты консерватории.

Многие еще ждут, что к ним вернется голос и они снова станут певцами. Очень хочет этого и Женя Таланов. Песни в его исполнении записаны на пленку и часто передаются в эфир, но сам Женя уже не поет более года. Пожелаем талантливому юноше, чтобы исполнилась его заветная мечта. А сейчас он готовится поступить на дирижерско-хоровое отделение консерватории.

...Кончился обычный школьный день. Часы досуга каждый проводит по-своему: один с увлечением читает книгу, другие что-то мастерят в кружке «Умелые руки», кто-то играет на рояле, на скрипке — в училище есть специальный скрипичный класс.

Миша Семенов обучает младшего товарища. Тот не умеет еще правильно держать смычок. Надо помочь ему! Судя по глазам «учителя», он не очень уверен в себе. Но мы уверены, что скоро оба они — и «учитель» и ученик — овладеют трудным инструментом. Уверены мы и в том, что всех воспитанников этого училища ожидает интересная, творческая жизнь.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

Фото А. Узляна.

Гриша Горбачев и Слава Зиновьев сегодня хорошо выучили урок.

Андрюша Лазаренко не совсем понимает, что такое певческая душа...

В руках директора обертка от мороженого.

Повесть

Лев САМОЙЛОВ и Борис СКОРБИН

Рисунки О. Георгиева.

Задание получено

— Ваш визит в Советскую Россию тщательно подготовлен. Провал исключен. Проведите все это быстро и возвращайтесь. Чем быстрее, тем лучше. Деньги вас ждут здесь, в этой комнате. Вы сможете получить их тотчас по возвращении. Конечно, помните о связи: каждое воскресенье в 20.00 я жду донесений. Тут главное — точность: в 20.00. Понятно?

— Вполне.

Этот разговор происходил майской ночью в отдельном кабинете ресторана «Белая лилия» на одной из многолюдных улиц Западного Берлина. В кабинете находилось двое: высокий мужчина лет тридцати в коричневом спортивном костюме и низенький лысый старичок, весьма заурядной внешности. Припухшие опущенные веки прикрывали его глаза и придавали лицу сонное выражение.

— Времени у вас будет немного, — говорил старик. — Поэтому действовать надо в высшей степени решительно. Полагаю, что разумней всего придерживаться разработанного нами плана. Однако всего предвидеть нельзя. Но, зная вас, я думаю, что план разработан правильно, с учетом ваших способностей.

Собеседник признательно поклонился. Не глядя на него, старик продолжал:

— Все свое внимание сосредоточьте только на одном объекте! Только на одном! Это единственная ваша цель, единственное задание. — Старик пожевал губами и, не меняя сонного выражения лица, добавил: — Если вы окончательно убедитесь в невозможности добыть материалы, уничтожьте объект. Любым способом! Но должен предупредить вас, что в этом случае ваше вознаграждение будет соответственно уменьшено.

Собеседник чуть заметно пожал плечами. Ему хотелось сказать, что именно в этом случае ему грозит смертельная опасность... Но он был натренирован в искусстве скрывать свои чувства. Годы учебы в разведывательной школе не прошли даром. К тому же он помнил слова начальника школы, в прошлом видного эсэсовца Отто Клейбиха, о том, что этот чудаковатый старик, специально приехавший для окончательного инструктажа, — крупный чиновник Разведывательного управления.

«Старик не любит, когда ему возражают, а в его руках наша жизнь и наша смерть», — так несколько приподнято говорил Отто Клейбих.

Из зала ресторана доносились мяукающие звуки джаз-оркестра. Человеку в спортивном костюме вдруг представилось, что он уже обладает кругленькой суммой в долларах, которые дадут ему возможность... Собственно, какую возможность? Когда-то в юности у него были туманные стремления. А сейчас кто он? Человек без родины, пешка в чьей-то большой игре, где ставкой является его жизнь. Этой пешкой он стал несколько лет назад, когда еще шла война... Духовно опустошенный, озлобленный, равнодушный ко всему, он изменил родине и стал предателем...

Как это произошло?.. Сын кулака, он вырос в семье, которая жила воспоминаниями о прошлом и ненавидела настоящее. Отец умер накануне войны, а он, мечтавший о легкой и «красивой» жизни, вынужден был трудиться, стать электромонтером.

Когда в город пришли фашисты, они, разузнав его настроения, предложили ему другую работу. Эта работа отлично оплачивалась. Правда, немалую роль сыграли и угрозы. Штурмбаннфюрер Гладбах предупредил, что в случае отвиливания от выполнения заданий повесит... А он хотел жить! Незадолго до отступления гитлеровцы отправили его в Германию. Берегли, так сказать, с учетом на будущее. А в 1945 году он перешел к новым хозяевам. Соблазны и безволие, жадность и трусость привели к тому, что он стал... Кем? Отто Клейбих на своем вульгарном жаргоне выражается так: рыцарь плаща и кинжала. Конечно, это звучит куда лучше, чем наемный убийца, шпион и диверсант... Но к черту эти мысли, этот минутный прилив слабости и сомнений!

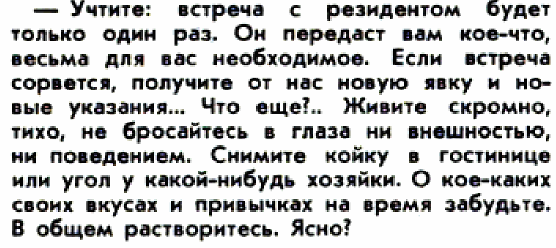
Тем временем старик вытащил из бокового кармана мешковатого серого пиджака небольшой футляр и положил его на стол. Помедлив немного, он открыл футляр своими толстыми, словно обрубленными пальцами и извлек из него небольшое кольцо, сделанное в виде серебристой змейки.

Старик протянул кольцо собеседнику:

— Прочтите!

Пристально вглядевшись, тот разобрал на внутренней стороне кольца едва заметную надпись: «Яр-13».

— Сокращенное начертание вашей агентурной клички — «Ягуар-13», — процедил старик и, приподняв веки, впервые долгим, испытующим взглядом посмотрел на собеседника. — Завтра на рассвете, — продолжал старик, не отводя от него своих маленьких совиных глаз, — вы вылетаете на юг. Оттуда морем вас доставят к берегам России и высадят ночью возле небольшого курортного городка. Вы будете отдыхающим членом профсоюза. Но не больше двух — трех суток. А потом — к месту назначения, за работу. Ваши документы безупречны, места, куда вы едете, вам знакомы. В Москве вы встретитесь с нашим резидентом. Явка и место встречи вам будут сообщены перед самой высадкой. Главный опознавательный знак — вот это кольцо. Такое же будет у резидента. Встретитесь в людном месте, в естественных условиях...

Он опять замолчал и прикрыл глаза, но тут же, словно вспомнив самое важное, сказал:

— Учтите: встреча с резидентом будет только один раз. Он передаст вам кое-что, весьма для вас необходимое. Если встреча сорвется, получите от нас новую явку и новые указания... Что еще?.. Живите скромно, тихо, не бросайтесь в глаза ни внешностью, ни поведением. Снимите койку в гостинице или угол у какой-нибудь хозяйки. О кое-каких своих вкусах и привычках на время забудьте. В общем растворитесь. Ясно?

— Ясно.

Старик оглядел комнату и наклонил голову, словно прислушиваясь к доносившейся из зала музыке. После небольшой паузы он снова заговорил:

— В первый же воскресный день я жду донесения. Будьте осторожны, остерегайтесь, чтобы вас не запеленговали. Доносите предельно кратко и сразу же переходите на прием. Позывные выучите наизусть. Никаких записей. Вопросы есть?

Вопросы? Они, должно быть, появятся там, на месте, где их некому будет задавать. И тогда-то придется действовать так, как подскажет инстинкт самосохранения. А сейчас...

— Нет, вопросов нет...

— И очень хорошо, что нет... Не люблю непонятливых. — Старик медленно поднялся из-за стола. — Все. Желаю удачи!

Губы старика растянулись в улыбке, открыв ровные золотые зубы и обескровленные десны. Совиные глазки его снова, не мигая, цепко глянули на агента.

Тот, приподнявшись, почтительно наклонил голову, пожал протянутую ему руку и прошел в угол комнаты. Здесь висели его пальто и шляпа. Он неторопливо оделся, низко надвинул шляпу и вышел.

Медленной походкой прошел он через слабо освещенный, дымный и уже почти пустой зал ресторана и вышел на улицу. Моросило. В темном ночном небе вспыхивали, потухали и вновь появлялись огни рекламы. Мелькали названия напитков, новых кинофильмов, патентованных подтяжек, духов.

Он пересек улицу и углубился в темный переулок.

Подарок фрау Гартвиг

Все произошло с молниеносной быстротой. Пожилая женщина в черном платье и старомодной шляпке, с провизионной сумкой в руках, переходила улицу. В это время из-за угла, описав крутую дугу, вынесся легковой автомобиль. Своим лакированным крылом он сшиб женщину и мгновенно исчез. Над улицей пронесся и замер жалобный вопль. Когда люди подбежали к женщине, она была мертва. Далеко в стороне валялась сумка, из нее высыпалось несколько картофелин. Ни номера машины, ни ее отличительных признаков никто не успел заметить.

Лейтенант Андрей Рябинин проходил мимо места происшествия, когда машина «Скорой помощи» уже увозила труп женщины. Столпившиеся прохожие и жители этой тихой берлинской улицы, сокрушенно покачивая головами, обсуждали случившееся. Тут же находились служащие народной полиции. Помянув про себя недобрым словом автомобильных лихачей, Андрей продолжал свой путь к дому фрау Гартвиг. Он обещал ей сегодня, перед отъездом в Москву, обязательно зайти еще раз. До отхода поезда с Силезского вокзала оставалось два часа, вещи уже сданы в камеру хранения...

Калитка палисадника была открыта, но на входной двери висел маленький никелированный замочек.

Что ж, подумал Рябинин, с полчасика, пожалуй, придется подождать в палисаднике, спешить все равно некуда. На этой скамейке возле небольшой цветочной клумбы очень удобно посидеть и покурить.

...Часть, в которой служил лейтенант Рябинин, стояла на окраине Берлина. Два года назад, окончив военное училище, лейтенант приехал в советские оккупационные войска в Германии и начал свой трудный и почетный путь офицера.

Служба целиком захватила его. Рабочий день, начинавшийся рано утром, заканчивался поздним вечером, так что и скучать лейтенанту было некогда. В редкие свободные вечера он захаживал к знакомому советскому инженеру Костромину, сын которого также окончил военное училище и уехал на Дальний Восток. Костромин, пожилой, уже поседевший мужчина лет пятидесяти, был, как и Андрей, страстным любителем шахмат. Склонившись над доской, они часами решали замысловатые этюды.

Инженер Костромин приехал в Берлин два года назад и застал здесь своих московских друзей, родственников Андрея Рябинина — его родную сестру с мужем, приехавшим сюда ненадолго в научную командировку. Костромин поселился с ними в одной квартире, в небольшом особнячке, принадлежавшем пожилой немке, вдове учителя музыки фрау Гартвиг. Друзья вскоре уехали на родину, в Москву, а Костромин застрял здесь надолго.

Когда в Берлин приехал Андрей, Костромин сердечно встретил юношу. Лейтенант напоминал ему сына, такого же рослого, плечистого, подвижного. К тому же здесь, за границей, каждый советский человек, столкнувшись с земляком, даже и незнакомым, тянется к нему, как к другу.

И Рябинин охотно проводил свободное время в тихом особнячке фрау Гартвиг. Когда Костромина не было дома, Андрей сражался в шахматы с сыном фрау Гартвиг, Паулем, шофером берлинского такси. Невысокий, худощавый юноша со значком Союза свободной немецкой молодежи на коричневой бархатной куртке, Пауль производил приятное впечатление своей скромностью, учтивостью и спортивной выправкой. Он изучал русский язык и просил Рябинина разговаривать с ним только по-русски.

Фрау Гартвиг, маленькая седая старушка в черном платье, на котором неизменно красовался белый накрахмаленный передник, всегда приветливо встречала лейтенанта. Она старалась сделать ему что-нибудь приятное — сварить по особому, только ей известному рецепту кофе, принести свежие иллюстрированные журналы, выгладить измявшуюся гимнастерку. Рябинин быстро привык к старушке, освоился с ее малоразборчивой скороговоркой и, чтобы дать ей возможность заработать несколько марок, приносил в стирку и починку свое белье.

Марта Гартвиг с большой теплотой вспоминала сестру Андрея и неизменно просила передать привет «кляйне фрау», которую она полюбила за доброту и веселый, общительный характер. Фотокарточка сестры Андрея стояла в рамочке на туалетном столике.

Приветы сестре Рябинин не передавал, так как почти не переписывался с нею. В письмах же к знакомой девушке Зое, которая жила в Москве и ждала приезда Андрея, у него находились другие, лирические темы.

Отпуска на родину Рябинин ждал с нетерпением. Он представлял себе, как вместе с Зоей посетит свои любимые уголки в Москве. И, может быть, однажды летним вечером ему удастся высказать Зое все то, что он хотел сказать ей давно. Напористый, энергичный курсант пехотного училища Андрей Рябинин в свое время растерялся, оробел и, вместо того чтобы объясниться с любимой девушкой, наговорил ей множество скучных фраз на случайные темы. В письмах из Берлина Андрей напоминал Зое о том, что «наш разговор еще впереди», и обещал по приезде в Москву сказать ей «самое важное».

И вот наконец эти счастливые дни подошли. Узнав в штабе части, что ему предоставлен отпуск, лейтенант Рябинин от радости чуть не нарушил уставный порядок. Он стремительно бросился к двери, но во-время остановился, вытянулся перед начальником и, приложив руку к фуражке, спросил:

— Разрешите идти?

— Идите, идите, лейтенант,— ответил, улыбаясь, начальник и неофициально, по-товарищески, добавил: — Счастливец!.. Привет Москве!

— Есть передать привет Москве! — ответил Андрей и, повернувшись по всей форме, вышел в коридор.

Разумеется, Андрей немедленно навестил Костромина и поделился с ним радостной вестью. Фрау Гартвиг взялась быстро постирать ему белье, погладить костюм и помочь приобрести кое-какие безделушки для Зои.

Несколько дней пробежали в предотъездных хлопотах. Надо было сдать служебные бумаги, оформить отпускные документы, получить деньги, заказать билет... Мало ли дел у человека, едущего в отпуск!

Вчера старушка Гартвиг встретила лейтенанта, как всегда, радушно. Однако на сморщенном лице ее Рябинин заметил следы озабоченности, даже тревоги. Глаза были красны, словно она плакала. Андрей хотел спросить, что случилось, но промолчал, увидев в комнате постороннего человека. В кожаном кресле у стены сидел худой старик в черном костюме. Он держался неестественно прямо для своего возраста. Его сухие склеротические руки покоились на набалдашнике массивной трости, которую он поставил между ног, обутых в тяжелые, грубые башмаки.

Когда лейтенант вошел, старик привстал и поклонился. Фрау Гартвиг представила его Рябинину как своего старого знакомого. Фамилии его она не назвала.

— Он нам не помешает,— добавила Гартвиг.— А к вашему отъезду я все приготовила.

В тоне хозяйки, обычно мягком, было сейчас что-то напряженное. Но Андрею некогда было задумываться над этим, он только спросил:

— Вы чем-нибудь расстроены?

Фрау Гартвиг не успела ответить. Вмешался ее гость. Разведя руками, он сказал на ломаном русском языке:

— Я принес фрау Гартвиг печальный новость: умерла ее приятельша с детства... Что делать, годы, волнения, болезнь...

Он шумно вздохнул и замолчал. Фрау Гартвиг, не оглядываясь, торопливо кивала головой.

Рябинин бегло осмотрел приготовленные для него вещи, поблагодарил, расплатился и собирался уйти.

— У меня к вам большая просьба,— вдруг сказала фрау Гартвиг, не поднимая глаз.— Я надеюсь, что вы не обидите меня и согласитесь исполнить ее.

— Если это в моих силах, пожалуйста,— учтиво и несколько недоумевая, ответил Рябинин.

Из последующих сбивчивых слов старухи лейтенант понял, что фрау Гартвиг в знак своего уважения и любви к его сестре хочет сделать ей подарок — изящное дамское кольцо.

— Позвольте,— удивился Рябинин,— ведь кольцо стоит дорого. Зачем вы тратитесь на подарки?

— Нет, нет! — испуганно возразила фрау Гартвиг.

Она принялась уверять Андрея, что кольцо ей ничего не стоит, оно досталось ей по наследству от покойной матери, а «кляйне фрау» этот красивый перстень всегда нравился, и она, старая немецкая женщина, считает

для себя честью сделать подарок советской женщине.

— Возьмите, пожалуйста, возьмите! — повторяла старушка, протягивая футляр.

Андрей пожал плечами, мысленно выбирая формулу отказа повежливее. В это время снова раздался глуховатый голос гостя:

— Неужели русски офицеры брезговают взять презент от немецки фрау? Абер советски люди — интернационалише люди... Дас ист нихт гут! [1].

Андрей глянул на этого жердеобразного старца. Он, кажется, собирается читать нотации, черт побери! Этого еще недоставало! Впрочем, может быть, действительно отказ взять эту безделушку будет расценен как пренебрежение к искренним и хорошим чувствам немецкой женщины...

— Что ж!..— Андрей махнул рукой.— Ладно. Передам ваш подарок сестре.

Он взял футляр и сунул его в карман.

Фрау Гартвиг пошла проводить лейтенанта до калитки, и вот тут случилось нечто весьма странное. У самого выхода, когда Рябинин начал прощаться, старушка вдруг быстро зашептала:

— Выбросьте это кольцо... Только не здесь, а где-нибудь... в мусорный ящик или из окна вагона. И ни за что не передавайте его сестре.

— Почему? — спросил изумленно лейтенант.— Что все это значит?

— Оно плохое, это кольцо,— путаясь в словах, шептала фрау Гартвиг.— Нет, оно хорошее, но несчастливое... Поверьте мне, я хочу вам добра... Сейчас неудобно объяснять...

Трудно было понять что-нибудь в этом потоке отрывистых фраз. Старая немка казалась панически напуганной.

Рябинин сунул в ее трясущиеся руки футляр с кольцом и сказал:

— Фрау Гартвиг! Да успокойтесь же! Может быть, мы присядем вот здесь на скамье, и вы мне все-таки объясните...

— Нет, нет...— она замотала головой.— Я и так задержалась...

— Так, может быть, мне завтра зайти к вам перед отъездом? — спросил Рябинин, которого заинтересовала эта странная история с подарком.

— Да, да... Если герр лейтенант завтра зайдет, я ему все объясню... Я старая честная немецкая женщина и не хочу делать ничего плохого... А кольцо... его нельзя дарить. Очень прошу вас зайти...

— Хорошо, завтра зайду обязательно!

Спрятав под передник футляр с кольцом, фрау Гартвиг засеменила к дому. Рябинин захлопнул калитку и оглянулся. В одном из окон дома он заметил лицо гостя фрау Гартвиг. Впрочем, может быть, это только показалось ему.

...И вот сегодня Рябинин, как обещал, пришел к фрау Гартвиг. А ее не оказалось дома. Наверно, задержалась в магазине...

Откинувшись на спинку скамейки, Рябинин курил и, наблюдая за тающим в воздухе папиросным дымком, старался представить себе, чем будут наполнены его дни в Москве. И от этих мыслей его охватило такое острое ощущение счастья, что даже защемило сердце.

— О, геноссе лейтенант!.. Какое большое несчастье!.. Моя мама... Моя бедная мама...

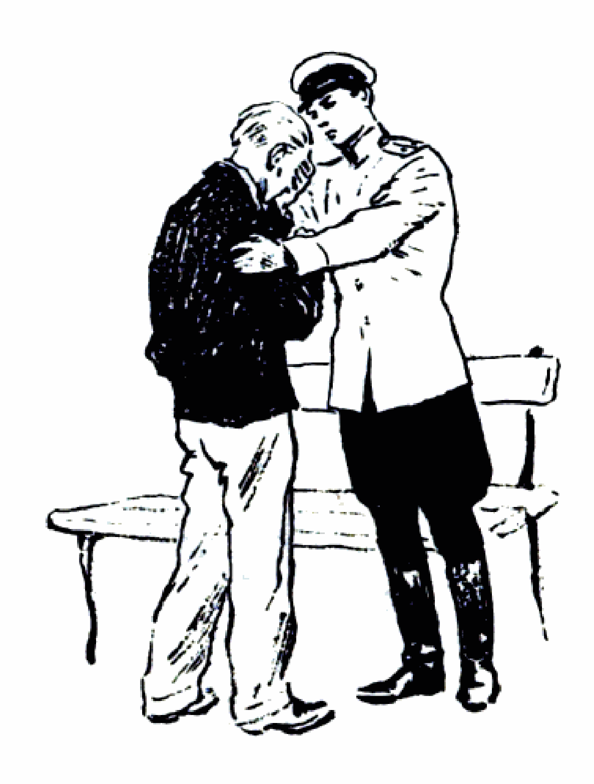
Рябинин вздрогнул, очнувшись от своих мечтаний. Перед ним стоял сын фрау Гартвиг Пауль. Вид этого всегда аккуратного юноши был ужасен: волосы растрепаны, галстук сбит на сторону, по искаженному волнением лицу текли слезы, которых Пауль, казалось, не замечал.

— Что случилось, Пауль?

— Мама умерла... Моя дорогая мама... О майн гот, майн гот!..

Перемежая слова рыданиями, он рассказал Андрею, что примерно час назад на мать налетела легковая машина и убила ее. Паулю сообщил об этом знакомый полицейский, разыскав юношу в гараже. Пауль помчался в морг и убедился, что все это правда... Теперь полиция разыскивает машину. Но попробуй найти ее в огромном Берлине. Скорее всего она умчалась в западный сектор...

[1] Это нехорошо!

«Так вот кого сбила машина»,— огорченно подумал Рябинин. Ему было жаль приветливой, хлопотливой старушки, матери этого славного парня.

Он обнял Пауля за плечи. Тот оценил это молчаливое сочувствие и крепко пожал Андрею руку...

Сиротинский на жительстве в Москве не значится

Свет от настольной лампы падал на сидевшую в кресле девушку. Она была взволнована, теребила свою узкую лакированную сумочку и нетерпеливо поглядывала на склонившегося за письменным столом полковника Дымова.

Кабинет Дымова был невелик и уютно обставлен. Вплотную к письменному столу пристроился круглый столик, на котором стояли пузатый чайник и два стакана с недопитым чаем. На подоконнике закрытого шторой окна красовалась изящная вазочка с цветами. И словно в довершение всей этой совсем не служебной обстановки на письменном столе полковника, под стеклом, виднелась фотография светловолосого мальчишки, удивительно похожего на Дымова.

«Наверное, сын», — подумала Аня Липатова. Она еще раз внимательно оглядела комнату, взглянула на цветы и почувствовала, что ей совсем не страшно. Волнение улеглось, и осталась только забота: сумеет ли она объяснить все случившееся с ней так, чтобы полковник понял ее и разрешил ее сомнения.

Дымов умышленно затянул паузу. Сославшись на необходимость прочесть срочное письмо, он ждал, когда девушка успокоится, оглядится, «обживется».

Через две — три минуты он отложил письмо и, улыбаясь, посмотрел на Липатову.

— Итак, Анна Петровна, что же у вас произошло?

Голос у Дымова был негромкий и спокойный.

— Наше знакомство произошло десять дней тому назад, в театре, во время антракта, — говорила девушка. — Правда, и раньше я несколько раз встречала этого человека, когда шла на работу или выходила из института. Я вам, кажется, уже говорила, что работаю лаборанткой в научно-исследовательском институте. В театре мы познакомились. Я была с подругой. Владимир Сиротинский пришел один. Домой мы пошли вместе. Вначале проводили подругу, потом Володя проводил меня. Договорились встретиться.

Как выглядит Сиротинский? Блондин, высокий, лет тридцати двух. Интересный... О себе рассказывал, что он одинокий, что в годы войны потерял семью, а сейчас он работает механиком на литерном заводе. На каком? Не знаю. Где живет, тоже не говорил... Ну, а мне неудобно было спрашивать. Во всяком случае, живет он очень скромно, зарабатывает немного. Он сам говорил об этом.

Дымов не прерывал девушку. Только иногда, когда внезапно возникшая деталь уводила рассказ Ани в сторону, он осторожным, уточняющим вопросом направлял ее повествование в нужное русло. И перед ним проходила вечная, как мир, история девичьего увлечения... Однако худенькая синеглазая девушка, сидевшая против полковника, уже умела разбираться в людях, в их поступках, в их словах, а разобравшись, поступать так, как подсказывала ей ее совесть.

— ...Мы встречались три раза. Побывали в кино, в театре. Сиротинский избегал говорить о своей работе, да и о моей никогда не расспрашивал. Но вот недавно произошел такой случай.

В предпоследнюю встречу я сказала Володе, что в воскресенье в клубе нашего института состоится вечер: после торжественной

части будут концерт и танцы. Володя загорелся желанием придти на этот вечер. Когда я сказала, что это трудно сделать, ведь вечер только для своих, он обиделся, стал обвинять меня в том, что я просто не хочу быть с ним, что собираюсь встретиться с кем-то, стал выдумывать всякие другие глупости. Ну, я уступила. Провела его как своего родственника, — опустив голову, призналась Аня.

— ...В президиум были избраны знатные люди института. Когда назвали фамилию руководителя лаборатории «С» инженер-майора Ивана Васильевича Барабихина, Сиротинский оживился. Он не сводил глаз с Барабихина. Я обратилась к нему с каким-то вопросом, — куда там, он даже не слышал меня. Меня это поначалу удивило, а потом и испугало. Ведь, в сущности, я Сиротинского мало знала. А лаборатория «С» — ведь это... В общем, вы сами понимаете.

Аня помолчала, собираясь с мыслями, потом продолжала:

— Несколько раз в течение вечера Сиротинский, словно ненароком, задавал мне вопросы о Барабихине. Я в конце концов не выдержала и сказала, что это любопытство мне непонятно и что я сожалею о том, что пригласила его к нам в клуб. Да, я прямо сказала это!

Тонкие брови девушки гневно сдвинулись, словно и сейчас она видела перед собой Сиротинского. Дымов подвинул ей стакан с чаем. Аня сделала несколько глотков и продолжала:

— Наверное, мои слова встревожили его. Он ничего не ответил и быстро отошел. Я его потеряла в толпе танцующих и больше уже не видела.

— Что же, он ушел, не попрощавшись?

— Да. Вчера весь день я ждала, надеялась, что он позвонит. Мне стало казаться, что, может быть, я зря обидела Володю, что мои подозрения незаслуженно оскорбили его. Но звонка не последовало. И тогда я окончательно убедилась, что Сиротинский действительно испугался и сбежал...

Аня не договорила и подняла голову. Дымов внимательно смотрел на нее.

— ...Я решила сама встретиться с ним. К сожалению, у меня не было ни его адреса, ни его телефона. Я обратилась в адресное бюро. И тут... — голос девушки в волнении прервался, — и тут я узнала самое ужасное: Сиротинский Владимир Владимирович, как сообщило адресное бюро, на жительстве в Москве не значится... Я поняла, что этот человек обманул меня, что он не тот, за кого выдает себя... Я поняла, что не имею права молчать. Утром я пошла к секретарю нашего парткома и обо всем рассказала ему, а он посоветовал обратиться к вам... Вот и все, товарищ полковник.

Она облегченно вздохнула, словно сбросила с плеч тяжелый груз, вынула из сумки платочек и вытерла увлажнившийся лоб.

Вид у полковника был серьезный и озабоченный. Он встал, прошелся по комнате и снова сел за стол.

— Вы говорили с кем-нибудь об этом, кроме секретаря парткома?

— Нет, ни с кем!

— Очень хорошо, — медленно сказал Дымов. — Хорошо в обоих случаях: если дело действительно серьезное, и если ваши подозрения неосновательны. Зачем зря бросать тень на человека? Может быть, у него и не было дурных намерений.

— Дай бог! — искренне вырвалось у девушки.

— Авось, как-нибудь и без бога справимся, — сказал полковник, рассмеявшись.

Аня подняла на полковника удивленный взгляд. Он смеется, шутит, а ей совсем не весело. Как все нехорошо обернулось... Да и как еще все это закончится?..

Дымов словно угадал мысли Липатовой. Он сказал мягким, дружеским тоном:

— Вы хорошо сделали, что пришли к нам. Бывает, что случайное знакомство тянет за собой большую цепь событий. Спасибо вам за сигнал... У вас есть ко мне еще вопросы?

— Нет, товарищ полковник...

— Тогда нашу первую беседу можно считать законченной. Если вы мне понадобитесь, я приглашу вас.

Проводив Липатову, Дымов опустился на диван и задумался.

«Случайные встречи на улице возле института, вслед за тем знакомство в театре, повышенный интерес к Барабихину. Странно, очень странно...»

Перед Дымовым возникали десятки вопросов, требующих немедленного ответа. И прежде всего: каким путем могли просочиться вовне сведения о лаборатории «С» и об изобретении Барабихина? Ведь вся работа этого учреждения строго засекречена. Небольшой коллектив сотрудников института, занятых выполнением специального задания, тщательно проверен. Это дружная семья талантливых молодых специалистов, в большинстве участников Великой Отечественной войны.

Дымов налил в стакан остывшего крепкого чая и медленными глотками выпил его. Потом он позвонил дежурному и предупредил, что уходит на несколько часов.

В научно-исследовательском институте полковник Дымов задержался несколько дольше, чем предполагал. После короткого разговора с директором института и секретарем парткома он уединился в предоставленном ему кабинете и углубился в чтение архивных материалов. Незаметно текли часы. Тишина нарушалась только шелестом переворачиваемых страниц и монотонным стуком стенных часов.

Около полуночи Дымов прекратил чтение. Он откинулся на спинку стула и некоторое время сидел неподвижно, закрыв глаза. Потом решительно поднялся и потянулся до хруста в костях.

В длинном коридоре, куда он вышел, было полутемно. Только из кабинета директора института пробивался свет.

— Зачитались, товарищ полковник? — приветливо встретил его директор, известный всей стране ученый. — Я полагал, что с таким интересом можно читать только приключенческие романы, а не архивные материалы. — Он рассмеялся и протянул руку к телефону. — Куда вас доставить: домой или на службу?

— Да вы не беспокойтесь, — ответил Дымов. — Я доберусь.

— Довезем, довезем. Вы не возражаете, если по дороге шофер подбросит домой майора Барабихина?

Дымов охотно согласился. Спускаясь по широкой институтской лестнице, он подумал, что это получилось довольно удачно. Все равно он решил после изучения архивных материалов побеседовать с Иваном Васильевичем Барабихиным. Тем лучше, что знакомство с майором начнется не с официального приема, а с совместной поездки в машине.

«Победа» уже стояла у подъезда, но Барабихина еще не было. Он пришел через несколько минут, слегка запыхавшись, и извинился, что заставил себя ждать.

Машина вынырнула из переулка и, набирая скорость, понеслась вперед.

Дымов закурил и предложил майору папиросу. Он искоса поглядывал на соседа, и ему нравилось открытое, простое лицо Барабихина, освещенное маленькой кабинной лампочкой.

— Далеко вам приходится ездить, — заметил Дымов, когда они выбрались из тихих переулков окраин на людные улицы центра. — Пешком такая прогулка часа на полтора, не меньше.

— А что ж! — Иван Васильевич молодцевато тряхнул головой. — Легкий кросс по городу с успехом заменяет мне физкультзарядку.

— А сердце позволяет?

— Сердце? — усмехнулся Барабихин. — Да оно у меня, как выверенные часы. Никаких перебоев.

— Это хорошо!

Дымов раскурил потухшую папиросу.

— Очень хорошо! — одобрительно повторил он. — А то ведь вы еще в сорок восьмом году, помнится, писали рапорт о том, что у вас сердце пошаливает. Помните? Вам даже пришлось из-за этого раньше времени из Берлина вернуться.

Едва уловимая тень промелькнула на лице Ивана Васильевича. Он молча посмотрел на Дымова и отвел глаза. Наступило молчание.

Шофер резко затормозил. Машина остановилась у дома, где жил Барабихин.

(Продолжение следует)

Семена сибирской лиственницы в Исландии

Халлормстад. Здесь, на северо-востоке Исландии, расположена крупнейшая в стране роща лиственницы, занимающая площадь в 1 500 акров.

В давние времена, когда Исландия только заселялась, остров был покрыт лесами карликовой березы. Однако отсутствие охраны и хищническая вырубка привели к тому, что основные массивы были истреблены и в настоящее время от них осталось лишь несколько небольших рощ, расположенных в основном на севере Исландии. Перед страной остро встал вопрос о лесонасаждениях.

В 30-х годах в Халлормстаде, на северо-востоке Исландии, были произведены посадки лиственницы. Роща в Халлормстаде, где сейчас деревья достигли пятиметровой высоты, по праву является национальной гордостью Исландии. Каждое дерево здесь — результат упорного труда и настойчивости исландцев.

В начале нынешнего года в Исландию из Советского Союза были направлены 5 килограммов семян сибирской лиственницы. Этот подарок, посланный ВОКСом в дар обществу культурной связи «Исландия — СССР», был справедливо расценен исландской общественностью, как новое проявление дружбы советского и исландского народов.

«Государственная администрация по лесонасаждениям, — писала 2 марта газета «Альтидубладид», — получила из России 5 килограммов очень дорогих семян...

Это просто неоценимый подарок».

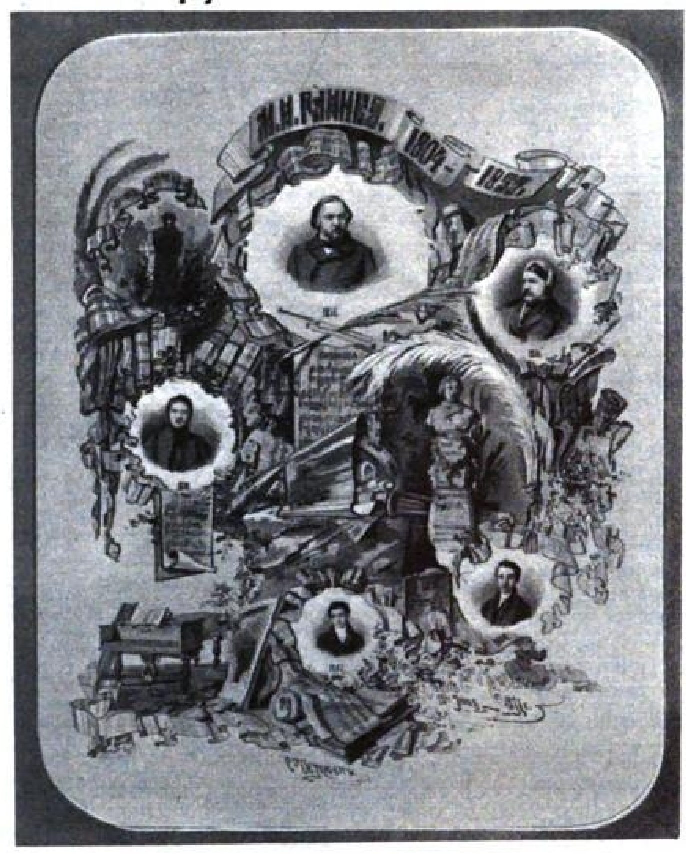
Семена пришли в Исландию в дни, когда в Рейкьявике происходил съезд исландских специалистов-лесоводов. На съезд был приглашен генеральный секретарь общества культурной связи «Исландия — СССР» Кристинн Андресон, которого глава Администрации по лесонасаждению Хаакон Бьярнасон поблагодарил за содействие в получении семян и передал через него благодарность ВОКСу.

Газета «Тиминн», орган Прогрессивной партии Исландии, писала 2 марта: «Если семена будут использованы должным образом, то примерно через 20 лет у нас будут рощи лиственницы весьма значительных размеров».

Государственная администрация по лесонасаждению сообщила прессе, что семена, полученные из Советского Союза, этой весной будут распределены между лесоводческими станциями Исландии.

А. ХОДАРЕВА

Пятьсот рукописей М. И. Глинки

Сюита портретов М. И. Глинки. (Публикуется впервые.)

В 1858 году композитор М. А. Балакирев принес в дар Публичной библиотеке в Петербурге автограф испанского марша М. И. Глинки, скончавшегося за год до этого. Этим было положено начало созданию коллекции нотных рукописей, писем, портретов великого русского композитора и других материалов, связанных с его именем. Несколько позже В. В. Стасов также передал сюда большое собрание писем Глинки, а в 1867 году от друга композитора В. П. Энгельгардта поступили собиравшиеся им в течение многих лет музыкальные автографы Глинки. Ныне коллекция в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина стала самым богатым собранием в СССР, включающим и личный архив композитора.

Здесь собрано 558 автографов Глинки. Среди них авторская партитура оперы «Иван Сусанин» и материалы к ней. По этой партитуре, как полагают исследователи, опера и исполнялась впервые. Не сохранилась до наших дней партитура другого шедевра Глинки — оперы «Руслан и Людмила»; в хранилище имеются лишь отрывки, незаконченные части оперы и единственные полные партитуры — романс Ратмира из V действия и хор волшебных дев.

Из крупных произведений тут представлена симфония для оркестра на русские темы, предварившая работу композитора над оперой «Иван Сусанин», партитуры «Князя Холмского», «Камаринской» и «Арагонской хоты».

Богатейшее музыкальное наследие Глинки в основном уже опубликовано, но отдельные редакции и варианты произведений еще ожидают исследования.

Богато представлены в архиве Глинки биографические материалы, в частности свыше 300 писем. В личном альбоме композитора его рукой сделаны надписи к рисункам и карикатурам, созданным в большинстве художником Н. А. Степановым. На листах альбома изображены Глинка, А. С. Даргомыжский, К. П. Брюллов, Ф. Лист и многие другие деятели искусства.

Впервые воспроизводимая здесь сюита портретов М. И. Глинки на одном листе исполнена сепией академиком И. К. Гофферт и художником П. И. Григорьевым и датируется 15 июня 1877 года. Гофферт копировал пять портретов композитора: портрет Глинки работы неизвестного художника 1817 года, работы М. Теребенева 1824 года, Н. С. Волкова 1834 года (на рисунке ошибочно датировано: 1830), дагерротип 1850 года и фотографию Глинки 1856 года (Левицкого). П. И. Григорьев исполнил фон, орнамент и надписи.

В настоящее время подготовлена к печати полная опись архива М. И. Глинки.

С. БАБИНЦЕВ

Вечернее

Осип КОЛЫЧЕВ

На эти цветы и на ветви,
На этот закат оглянись ты...
Какой он в лесах разноцветный,
Какой золотой-золотистый!

И птица звенит где-то близко,
И в голосе птицы смешинка.
Как будто в кустах машинистка
На пишущей пишет машинке...
А пишет она заявленье,
Где просит закату продленья:

«Прошу повторить этот вечер
И тучку с малиновым краем...»

И, может быть, небо ответит:
«Просьбу удовлетворяем!»

А, может быть, на заявленье
Напишет оно: «К сожаленью,
Мы все исчерпали запасы
Вечерних малиновых красок».

СИЛА ХАРАКТЕРА

Ф. КНОРРЕ

Рисунки И. Семенова.

Весь день на просторном поле стадиона, где в зеленой травке белел гусиный пух, слышались глухие удары по футбольному мячу, сопровождаемые азартными криками зрителей.

Уже спускались сумерки, когда зрители дружно привстали со своих мест, под нарастающий гул взволнованных голосов и горестно-разочарованно, в одно дыхание, ахнули в последний раз: мяч, высоко взвившись в небо, перелетел через ворота и покатился под уклон к илистому берегу реки Калошки.

Счетовод Силикацкий, судивший товарищескую встречу, дал финальный свисток, возвещавший, как любят писать в отчетах, что спортивный день закончился. Через десять минут на опустевшем поле в тишине было слышно только кваканье квартировавших на берегах Калошки лягушек.

В березовой роще, носившей название «Парк отдыха», на танцплощадке заиграл аккордеон, зажглись разноцветные лампочки под парусиновыми зонтами кафе-столовой и торопливо застучал насос, выкачивая из прохладной глубины бочки в стеклянные кружки пенящееся пиво.

За круглым столиком под одним из парусиновых грибов-мухоморов сидела небольшая компания, разместившись на скрипучих соломенных креслицах. На одном из них, точно на председательском месте, сидел загорелый, пухлый человек, одетый, несмотря на теплую погоду, в шерстяную тренировочную фуфайку, какие носят мастера спорта.

Из-под засученного рукава, пониже локтя, у него виднелась татуировка — значок ГТО первой степени в полторы натуральных величины. Это был тренер местного клуба Кваченко.

— Характер! — громко провозгласил Кваченко.— Один только характер, и ничего, кроме характера.

Он поднял кружку, вытянув губы, с благоговейной осторожностью припал к ее краю и так потянул в себя, что сразу показалось дно.

Аркадий, высоченный блондин довольно унылого вида, бегун по спортивной специальности, машинально прихлебнул сладкий лимонад и брезгливо сморщился, облизав липкие губы.

Сидевший рядом Силикацкий вяло возразил:

— Характер — это, конечно, Леня... Однако же мышцы... Всевозможные, так сказать, сухожилия... оно ведь, знаешь ли, тоже...

— Не отрицаю я твоих сухожилий, но я про главное говорю. Суметь наладить человеку характер — главное в нашем деле. Попал парень в хорошие руки, ну хоть ко мне... Конечно, не обязательно ко мне. Есть и другие, разве я отрицаю?.. Ну так вот, попал он в такие руки, выковали ему характер — его счастье. Не попал — не повезло парню, толку все равно не будет...

Безбровый паренек с тонкой шеей, недавно записавшийся в секцию бокса, почтительно спросил:

— А вы многих пробовали уже... закалять?

— Да пробовал понемножку, говорят, будто получается кое-что...— добродушно усмехаясь, ответил Кваченко таким тоном, каким бы, вероятно, ответил Иоганн Штраус, если бы невежда его спросил, не пробовал ли он когда-нибудь написать вальс.

Все улыбнулись, и будущий боксер сконфуженно заморгал.

Заметив проходившую мимо официантку, Кваченко торопливо выплеснул себе одним махом остатки пива в глотку и умоляюще промычал, протягивая пустую кружку:

— Валя! Еще кружечку. Холодненького. Поскорей бы, а? — и продолжал: — Раз уж про это зашло, пожалуйста, возьмите историю с Крыжакиной. Вот Аркадий это дело помнит, не даст соврать. Аркадий, если я что-нибудь неточно передам, ты меня сейчас же останови, не стесняйся.

— Ладно,— сказал долговязый бегун,— только я, Леня, тоже кружечку выпью. Жажда у меня.

Кваченко пристально посмотрел ему прямо в глаза и, не отвечая, угрожающе постучал пальцем по столу.

— Так вот, о Крыжакиной... Поехал я в прошлом году в командировку на три дня для оживления спортивной работы на селе, тут в колхоз, километров тридцать от города. Погода, понимаете ли! Солнце! Купанье! Грибов!.. Вообще красота. Ну я разузнаю, как там у них физкультурная работа, нет ли каких-нибудь дарований и так далее. Осматриваюсь. Нет, дарований как будто на первый взгляд не заметно: так себе, гоняют мячик, немножко бегают, немножко плавают... И я, признаться, собрался уже ехать обратно, поскольку командировка у меня истекла... Ах, вот, душечка, принесла! — вдруг восхищенно воскликнул, прерывая себя, Кваченко и, привстав, потянулся к подносу, взялся обеими руками за кружку и потащил ее прямо ко рту. — ...Но вот в последний день обращаю я внимание на одну девушку. Недурно плавает. Стиля никакого. В общем даже и не пробовала на быстроту, а парни от нее на купанье отстают. Прикинул на секундомер: норма третьего разряда. Я ее вызвал к себе и говорю: «Товарищ Крыжакина, категорически предлагаю тебе обратить на себя внимание. Возьмись, собери свою волю в кулак. Держи строжайший режим. Тренируйся. Полное объяснение стиля найдешь в соответствующей брошюрке. Я обещаю тебе, что буду издали следить за твоими успехами, так что ты старайся оправдать мое доверие. Предсказываю, что ты через месяц сдашь на второй разряд. А дальше, как говорится, покажет будущее...» И в тот же день я уехал. И, откровенно признаюсь, даже позабыл про этот эпизод... Забыл я, Аркадий, или нет? Скажи вот им!

— А, конечно, забыл,— равнодушно подтвердил долговязый.

— Вот видите, я все как есть передаю.— Кваченко потянул в себя остатки пены и с сожалением огляделся.— Валя, ну что ты все по одной кружечке носишь? Носи ты нам сразу хоть по парочке!

— И мне! — буркнул Аркадий.

Кваченко погрозил ему пальцем:

— Аркадий, сконцентрируй свою волю! Живо! Соберись. Возьми себя в руки. Подтянись. Скажи себе: «Не хо-чу... не хо-чу». Твердо и решительно! Ну? Сказал?

— Сказал,— угрюмо подтвердил Аркадий.

— Ну и что ты теперь чувствуешь? Больше не хочется пива?

— Хочется,— сиплым голосом сказал Аркадий.

— Эх, ты! Даже от какого-то пива не умеешь отказаться! Характер!

— А сам восьмую кружку допиваешь, — с обидой, вполголоса буркнул Аркадий.— Характер!

Кваченко весело рассмеялся:

— Чудак! Да разве я себе ставил задачей отказаться от пива? Да если бы я себе поставил такую задачу, с моей силой воли я бы умер в пустыне от жажды рядом с полной бочкой пива, а не притронулся бы... Ну так вот, получаю я примерно через месяц из колхоза письмо от председателя физкультурного коллектива. Там у них кузнец — председатель, Вавилов — фамилия. Пишет, что у них отмечается некоторое оживление: купили турник, построили на речке мостик, протянули рейки для плаванья. Кое-какой инвентарь, даже секундомер приобрели. Все бы ничего, да как раз моя эта Крыжакина не оправдывает надежд, плавает даже хуже прежнего, хотя якобы и тренируется и по книжкам изучает стиль. Вот какое положение! Другой на моем месте упал бы духом. Опустил бы руки. Но не я. Я сейчас открыточку: «Не отступать. Продолжать тренироваться. Жду дальнейших успехов...» И опять, по правде говоря, начисто забываю про эту историю... И вот снова приходит весна, начинается сезон, и мне Вавилов, между прочим, сообщает, что Крыжакина снова только-только стала дотягивать до нормы третьего разряда. Скажу по совести, ребята, тут не каждый характер бы выдержал. Просто мало я знаю людей, которые при таких обстоятельствах не впали бы в уныние... Но... я говорил вам про характер? Ага. Я-то рук не опустил. Хлоп, сейчас же еще открытку: «Товарищ Крыжакина! Собери волю в комок, спружинься. Преодолей трудности, и так далее...» А у самого такие мысли являются. Думаю: плохо твое дело, Крыжакина, пружинься не пружинься, а дальше второго разряда ты и в пять лет не доплывешь... Говорил я так, Аркадий?

— Еще хуже говорил,— уныло подтвердил Аркадий, позабывшись, глотнул сладкого лимонаду и, сделав гримасу отвращения, чуть не выплюнул.

— Ну, слава те, несут! — потирая руки, крякнул Кваченко.— И вот на той неделе, не далее чем во вторник, прибыл я снова в этот колхоз, и вечерком отправились мы с этим кузнецом Вавиловым разыскивать Крыжакину, чтоб дать ей зарядку уже не письменно. Говорим ей: «Ну покажи нам свои успехи и недочеты». А она не хочет. «Тренируюсь, говорит, только из упрямства, потому что взялась и не хочу бросать, а плаванье я, говорит, возненавидела, потому что, сколько ни бьюсь, ничего не получается». Короче говоря, упирается: тренироваться, говорит, не брошу, а перед чужими людьми срамиться не стану. Можете себе представить, чуть не под руки привели ее на мостик, все уговариваем, усовещеваем, предлагаем собраться в один комок... Поплыла. Кузнец засек секундомером время. Скользнула она в воду и... пошла! У меня даже сердце замерло. Идет в воде, как торпеда, вода за ней бурлит. Проплыла стометровку, вылезла, глянула на секундомер и прямо сразу: «ы-ы-ы!»... — так в голос и заревела, вся потемнела, повернулась и ушла, никому слова не сказала. Действительно, тяжелый случай — по виду вроде здорово плывет, а на секунды лучше не смотреть. Другой бы на моем месте уж тут окончательно растерялся бы и упал духом. Ну не Кваченко! Я, знаете, немедленно собираю свою волю в кулак, весь сжимаюсь, и садимся мы с Вавиловым так же вот, как мы с вами сейчас, за кружечкой пивка и начинаем раздумывать. И ничего не можем придумать. С горя я, знаете, разную чепуху уже начинаю спрашивать: правильно ли сто метров у них отмерено и тому подобное. А кузнец рукой отмахивается, говорит, точно все проверено и секундомер даже, говорит, сам лично два раза проверял. И я без всякого интереса спрашиваю, как именно он проверял. А кузнец этот Вавилов, надо вам сказать, механик, на все руки мастер. Он мне отвечает: «Не то что проверял, а своими руками два раза его у себя в кузнице разбирал, до последнего винтика чистил, смазывал и опять собирал...» И тут я ему говорю: «Дай-ка мне на минутку твой секундомер». И кладу его на стол рядом вот с этими моими ручными часами и пускаю в ход. Чем Вавилов его смазывал и как его усовершенствовал в своей кузнечно-ремонтной часовой мастерской, не берусь сказать. Но за то время, когда мои обыкновенные часы прошли одну минуту, его секундомер промчался ровно минуту тридцать две секунды. Я взял карандаш и тут же подсчитал, что Крыжакина по времени перешагнула уже за первый разряд и пошла догонять мастеров. Каково? Вот это значит несгибаемый характер! Факт, Аркадий?

— Это факт,— уныло подтвердил Аркадий, понес было ко рту стакан с лимонадом, но, не донеся, спохватился и с гадливостью отставил его подальше от себя.

Безбровый паренек, с напряженным вниманием слушавший рассказ, глубоко перевел дух и покраснел:

— А верно: характер... Если дело в характере, тогда у меня получится.

Силикацкий задумчиво проговорил:

— Действительно достойный уважения характер. Такие неблагоприятные обстоятельства! Главное, никаких ободряющих результатов. Замечательная настойчивость!

— Раскусили? — торжествующе ухмыльнулся Кваченко.— А представляете вы себе, как бы обернулось дело, если бы у меня на минуту прогнулся, не выдержал характер?

Силикацкий заморгал от удивления и стеснительно кашлянул:

— Собственно, мне казалось, мы говорили скорее о характере девушки...

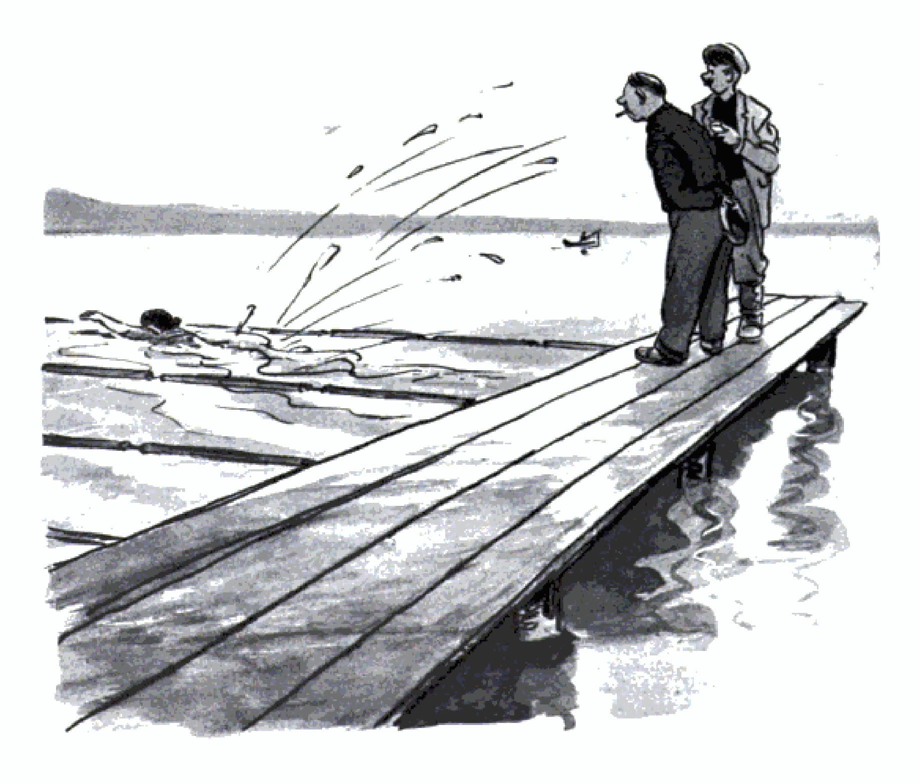
— Какой девушки?.. Ах, о Крыжакиной! Крыжакина — молодец. Я и впредь буду воспитывать и оттачивать ее характер. Человеку нужна кропотливая, постоянная работа, чтоб отточить и выковать свой характер...

— А как? Как? — пытливо, весь потянувшись вперед, спросил паренек, сурово хмуря те места на лбу, где у него должны были расти брови.— Вот как вы изо дня в день закаляете свой собственный характер, товарищ Кваченко! Я тоже так хочу.

— Чей, чей? Собственный? — удивился Кваченко и, поняв, расхохотался, сразмаху хлопнув ладонью по своему накожному значку.— Эх, паренек, подрастешь — поймешь...

Кваченко вдруг почувствовал, что слегка отяжелел от выпитого пива. Он грустно покачал головой, вздохнул и тотчас улыбнулся, точно поборов в себе какую-то минутную слабость.

— ...Другой раз, ребята, конечно, задумаешься: а каким бы я сам мог стать борцом... или боксером... атлетом!.. Эх, да ничего не попишешь! Раз уж ты отдался целиком любимому делу воспитания других, о себе надо уметь позабыть. Уж не будет у тебя времени заниматься самим собой, возиться с собственным характером... Ну, не беда, что об этом говорить, крикните-ка, чтоб нам принесли еще по одной, а то ведь скоро закрывать будут!

Басня про баснописца

Рисунок И. Максимова.

Не знаем точно, как могло случиться,
Но только звери, рыская в лесу,
Поймали на охоте баснописца
И тотчас повели его на суд.
— Для нас,— сказал Медведь,— куда опасней
Щепотки дроби в двух стальных стволах
Тот факт, что подсудимый пишет басни,
Где порет дичь, позоря нас в стихах!
Вот, скажем, я... В своей берлоге лежа,
Зайчишки не обижу, воробья...
А я у подсудимого — вельможа...
За бюрократов отдуваюсь я!
— Коллега прав! — протопав через ельник,
Воскликнул Еж, прищурившись на свет.—
Ведь то, что я с иголочки одет,
Не говорит еще, что я бездельник!
— А я погряз в бумагах, в суетне,—
Промолвил Крот, сложив на брюхе лапки,—
И пухнут папки по моей вине,
Тогда как я, прошу поверить мне,
Не знаю даже, что такое папки!
Тут грянул хор пичужек и зверят:
— Мы тоже ошельмованы, однако
Мы никогда не делали растрат,
Приписок к плану, не сбывали брака!
Прервал дебаты старый Лев-судья:
— Здесь нужно разобраться очень тонко.
Стричь неуместно, полагаю я,
Всех баснописцев под одну гребенку.
Одни поэты — мастаки писать,
Другие — стих заквашивают жидко...
У них-то, если верить в чудеса,
Не Человек, выходит, а Лиса —
Носитель буржуазных пережитков!
Мы, звери, и страдаем от таких,
Что наспех, в темпе чуть ли не пожарном
Кропают басни, полагая их
В литературе самым легким жанром!
А коли так, то мы бессильны тут.
Учитывая остроту момента,
Передадим же автора на суд
Понаторевших в баснях рецензентов.

Что ж баснописец? Он дрожал, пока,
По всем приметам, дело пахло казнью.
Узнав же, что развязка далека,
Облюбовал Куницу и Сурка,
Чтоб вставить их в очередную басню!

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Киев.

В этом номере на вкладках репродукции картин Т. Н. Яблонской «Дома за книгой», «Летом», «Слушая сказку», А. А. Шовкуненко «Дубы», «Первый снег», «Разлив» и четыре страницы цветных фотографий.

Отвечаем читателям

Пятиглазое животное

— Приходилось ли вам видеть пятиглазое животное?

На этот вопрос многие не только ответят отрицательно, но еще выразят изумление по поводу самого вопроса, считая, что ничего подобного в природе нет.

Между тем такое животное существует, и каждый его знает. Это пчела. У нее действительно пять глаз: кроме двух из них, больших, сразу заметных, у пчелы на теменной части головы расположены еще три крошечных глазка. Если при помощи первых пчела ориентируется в полете и находит медоносы, то три небольших глазка, как предполагают, дают ей возможность ориентироваться в направлении света. У рабочих пчел эти глазки имеют, повидимому, большое значение во время работы в улье при недостаточном освещении.

Таким образом, в споре группы читателей «Огонька», о котором нам сообщает И. И. Мамонтов, прав оказался товарищ Тютин, утверждавший, что у пчелы пять глаз.

Пятиглазая пчела не единственный феномен в мире насекомых.

Каждому, вероятно, приходилось видеть очки, состоящие из четырех стекол: нижние половинки стекол — для того, чтобы смотреть вблизи, верхние — вдаль. Нечто подобное напоминают глаза вертячек — черных, отливающих сталью жуков. Они водятся на поверхности наших водоемов. У вертячки каждый из пары глаз разделен на две половины: верхнюю и нижнюю. Нижняя благодаря своим оптическим свойствам дает возможность видеть в воде, а верхняя — на воздухе.

Б. АЛЕКСЕЕВ

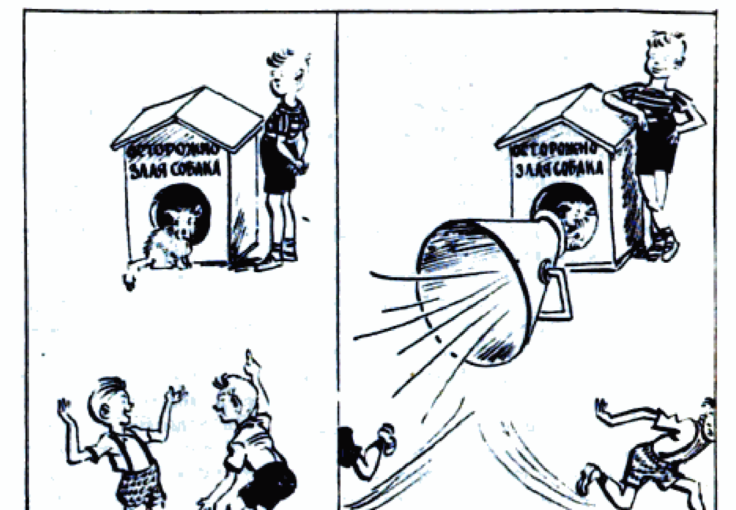

— ПАПА, Я ЗАРАБОТАЛ ЕДИНИЦУ!

— МОЛОДЕЦ!

Рисунки Ю. Андреева.

Изошутка Ю. Черепанова.

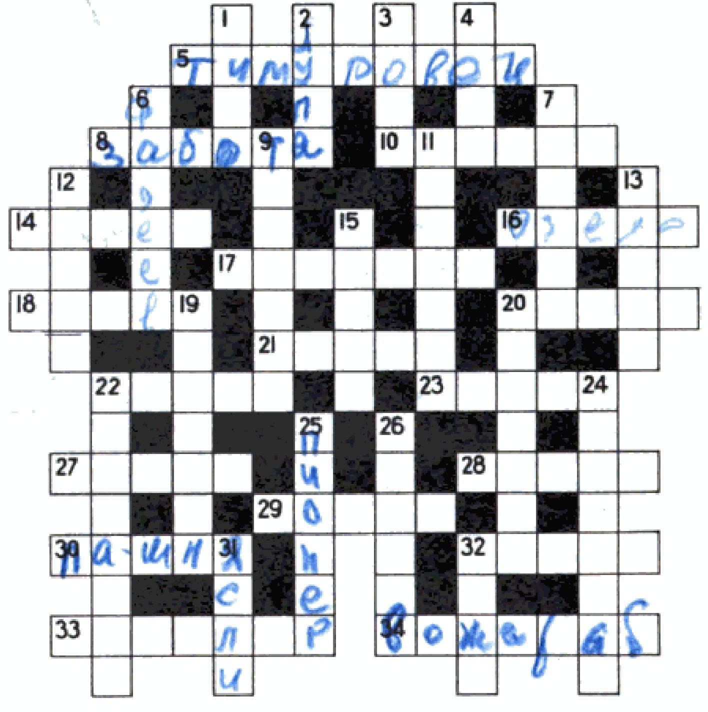
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Последователь героев одной из повестей А. Гайдара. 8. Внимание, уход. 10. Русский композитор. 14. Плод. 16. Водоем. 17. Научная специальность. 18. Русская народная сказка. 20. Помещение для содержания и разведения животных. 21. Персонаж «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина. 22. Стиль плавания. 23. Сборник географических карт. 27. Сок некоторых растений. 28. Единица силы электрического тока. 29. Устье. 30. Вспаханное поле. 32. Административно-территориальная единица. 33. Геодезический прибор 34. Руководитель пионерского отряда.

По вертикали:

1. Вид искусства. 2. Увеличительное стекло. 3. Обязанность. 4. Западнославянский народ. 6. Советский писатель. 7. Народно-поэтическое произведение. 9. Продукция полиграфической промышленности. 11. Бобовое растение. 12. Пионерский лагерь. 13. Автор сказки «Конек-Горбунок». 15. Шест. 19. Дневная бабочка. 20. Кондитерское изделие. 22. Общество. 24. Роман Фенимора Купера. 25. Детский журнал. 26. Герой повести Н. Носова. 31. Учреждение для маленьких детей. 32. Злак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

5. Колас. 10. «Мужество». 11. Ермолова. 12. Люнет. 13. Караул. 14. Тоннаж. 15. Кинотеатр. 16. Левада. 18. Арахис. 20. Окрик. 21. Сталевар. 24. Алебастр. 28. Новшество. 29. Металлоид. 31. Партизан. 34. Магнетон. 36. Отара. 37. Гидрат. 40. Скутер. 42. Аргентина. 43. Массив. 44. Предел. 45. Рояль. 46. «Бородино». 47. Движение. 48. Десна.

По вертикали:

1. Планетарий. 2. Будапешт. 3. Декада. 4. Втулка. 5. Коленкор. 6. Сетчатка. 7. Иматра. 8. Планка. 9. Эвкалипт. 17. Древесина. 19. Рубильник. 21. Синоп. 22. Айвар. 23. Астра. 25. Летка. 26. Спорт. 27. «Рудин». 30. Красноярск. 32. Агитатор. 33. Новгород. 34. Матильда. 35. Оперение. 38. Ростов. 39. «Таврия». 40. Сапфир. 41. Умелец.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 01941. Подп. к печ. 25/V 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 431. Заказ 1454. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва. Д-47, ул. «Правды», 24.

ПЕРВАЯ УДАЧА.

Фото В. Фатуева.

Цена номера 3 руб.